ISSN 1728-550X

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh national pedagogical university

ХАБАРШЫ
ВЕСТНИК
BULLETIN

Серия «Международная жизнь и политика»
Хабаршысы, «Халықаралық өмір және саясат» сериясы
Series of «International Affairs and Politics»
№3 (86), 2026

Алматы, 2026

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh national pedagogical university

ХАБАРШЫ
ВЕСТНИК
BULLETIN

Серия «Международная жизнь и политика»
Хабаршысы, «Халықаралық өмір және саясат» сериясы
Series of «International Affairs and Politics»
№3 (86), 2026

Алматы, 2026

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ХАБАРШЫ
«Халықаралық өмір және саясат» сериясы №3(86), 2026 ж.

Шығару жиілігі – жылына 4 нөмір.
2002 ж. Бастап шығады.

Бас редактор:
з.ғ.д., профессор **А.А. Сабитова**

Бас ред. Орынбасары:
з.ғ.к., профессор **О.Б.Хусаинов**

Ғылыми редактор:
с.ғ.д., профессор **Л.Х. Матакбаева,**
ф.ғ.д., профессор **Ш.А. Сабитова,**
с.ғ.к **К.С. Нурғалым,**
магистр **А.М. Кадиров,**

Редакциялық алқа мүшелері:
з.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА Академигі **С.Н.Сабикенов,**
с.ғ.д., доцент **А.К. Курмангали,**
т.ғ.к., профессор **М.К. Сембинов,**
с.ғ.к. **Жабелова Т.Е.,**
с.ғ.к. **Т.Н.Чумаченко,**
з.ғ.д., профессор, (Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы) **Е.Н.Бегалиев,**
з.ғ.д., профессор (Нархоз университеті) **Г. А. Алибаева,**
з.ғ.д., профессор (Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы адам құқықтары жөніндегі Комиссия Төрағасы) **И.И, Рогов,**
т.ғ.д., профессор (Institut Français d'Etudes sur l'Asie Centrale, Университет ИНАЛКО, Франция) **Катрин Пужоль,**
з.ғ.д., профессор (Лотарингия университеті, Франция) **Пьер Тифин,**
з.ғ.д., профессор (Пантеон-Сорбонна университеті, Франция) **Патрик Долла,**
з.ғ.д., профессор (Лотарингия университеті, Франция) **Хьюго Шталь**

Техникалық хатшы:
заң ғылымдарының магистрі **С.С. Набережнев**

© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2026
Қазақстан Республикасының

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
LEGAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Әліпұлы Е., Медеубаев С.Т.
Правовое регулирование обеспечения сейсмической безопасности в Республике Казахстан: современное состояние, проблемы и направления совершенствования ……7
Әліпұлы Е., Медеубаев С.Т.
Қазақстан Республикасында сейсмикалық қауіпсіздікті қамтамасыз етуді құқықтық реттеу: қазіргі жағдайы, проблемалары және жетілдіру бағыттары…….7
Alipuly E., Medeubayev S.T.
Legal regulation of seismic safety in the Republic of Kazakhstan: current status, challenges, and areas for improvement……..7

Хусаинов О.Б., Абдирова Г.А.
Современное состояние и перспективы международно-правового сотрудничества Республики Казахстан в сфере искусственного интеллекта……...28
Хусаинов О.Б., Абдирова Г.А.
Қазақстан Республикасының жасанды интеллект саласындағы халықаралық-құқықтық ынтымақтастығының қазіргі жағдайы мен перспективалары…….28
Khussainov O.B., Abdirova G.A.
The current state and prospects of international legal cooperation of the Republic of Kazakhstan in the field of artificialintelligence…….28

Набережнев С.С., Шонай А.А.
Человеческое авторство и защита авторских прав в эпоху генеративного искусственного интеллекта: сравнительный анализ Казахстана, США и Европейского союза ..……39
Набережнев С.С., Шонай А.А.
Генеративті жасанды интеллект дәуіріндегі адам авторлығы және авторлық құқықты қорғау: Қазақстан, АҚШ және Еуропалық Одақтың салыстырмалы талдауы..……39
Naberezhnyev S.S., Shonay A.A.
Human authorship and copyright protection in the age of generative artificial intelligence: a comparative analysis of Kazakhstan, the United States and the European Union…..……39

мәдениет және ақпарат министрлігінде 2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген №10105 – Ж

Басуға 30.12.2021 қол қойылды. Пішімі 60х84 1/8. Көлемі 15,75 е.б.т. Таралымы 300 дана. Тапсырыс 326.

050010, Алматы қаласы, Достық даңғылы, 13. Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің «Ұлағат» баспасы

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ВЕСТНИК
Серия «Международная жизнь и политика»
№3 (86), 2026 г.
Периодичность – 4 номера в год.
Выходит с 2002 года.

Главный редактор:
д.ю.н., профессор **Сабитова А.А.**
Зам. Гл. редактора:
к.ю.н., профессор
Хусаинов О.Б.

Научные редакторы:
д.с.н., доцент **Матакбаева Л.Х.,**
д.ф.н., профессор **Сабитова Ш.А.,**
к.с.н. **Нургалым К.С.,**
магистр **Кадиров А.М.**

Члены редколлегии:
д.ю.н., профессор, академик НАН РК **Сабикенов С.Н.,**
д.п.н., доцент **Курмангали А.К.,**
к.и.н, профессор **Сембинов М.К.,**
к.п.н. **Жабелова Т.Е.,**
к.п.н. **Чумаченко Т.Н.**
д.ю.н., профессор, (Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан) **Бегалиев Е.Н.,**
д.ю.н. профессор **Бегалиев Е.Б.,**
д.ю.н. профессор (Нархоз) **Алибаева Г.А.,**
д.ю.н., профессор (Председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан) **Рогов И.И.,**
д.и.н., профессор, (Университет

Сылкина С.М.
Международно-правовые проблемы обеспечения качественной и доступной стоматологической помощи в РеспубликеКазахстан……54
Сылкина С.М.
Қазақстан Республикасында сапалы және қолжетімді стоматологиялық көмекті қамтамасыз етудің халықаралық-құқықтықмәселелері……..54
Sylkina S.M.
International legal problems of ensuring quality and accessible dental care in the Republic of Kazakhstan……...54

Нурғалым К.С., Әбдіғали А.
Семейное право как объект международного частного права Республики Казахстан…….63
Нурғалым К.С., Әбдіғали А.
Отбасы құқығы Қазақстан Республикасының халықаралық жеке құқығының объектісіретінде……...63
Nurgalym K.S., Abdigali A.
Family law as a subject of private international law of the Republic ofKazakhstan……63

Данияр Д.Б., Курмангали А.К.
Цифровое неравенство и роль ООН в формировании инклюзивного человеческогокапитала……74
Данияр Д.Б., Курмангали А.К.
Цифрлық теңсіздік және БҰҰ-ның инклюзивті адами капиталды қалыптастырудағы рөлі……..74
Daniyar D.B., Kurmangali A.K.
Digital inequality and the role of the United Nations in shaping inclusive human capital……74

Авторлар туралы мәлімет…….92
Сведения об авторах……...93
About authors……...94

ИНАЛКО Франция) **Катрин Пужоль,**
д.ю.н. профессор профессор
(Университет Лотарингии, Франция)
Пьер Тифин,
д.ю.н., профессор (Университет Пантеон-Сорбонна, Франция)
Патрик Долла,
д.ю.н., профессор, (университет Лотарингия, Франция) **Хьюго Шталь**

Тнхнический секретарь:
Преподаватель, магистр **Набережнев С.С.**

© Казахский национальный педагогический университет им. Абая, 2026
Зарегистрировано в Министерстве культуры и информации Республики Казахстан
8 мая 2009 г. №10105-Ж

Подписано в печать 30.12.2021.
Формат 60x84 $^{1}/_{8}$.
Объем 15,75 уч-изд.л. Тираж 300 экз.
Заказ 326.
050010, г. Алматы, пр. Достык, пр. Достык, 13. КазНПУ им. Абая
Издательство «Ұлағат» Казахского национального педагогического университета имени Абая

Abai Kazakh national pedagogical university
BULLETIN

«Bulletin Abai Kazakh national pedagogical university»
(series of «International Affairs and Politics»)
№3 (86), 2026

Periodical – 4 no. per year
Published since 2002

doctor of legal Sciences, Professor
Sabitova A.
candidate of legal Sciences, professor
Khusainov O.

Members of the editorial board:
Doctor of Political Sciences, Associate Professor **Matakbayeva L.Kh.,**
doctor of philological Sciences, associate professor **Sabitova Sh.,**
Candidate of Political Sciences
Nurgalym K.S.,
Master of International Relations
Kadirov A.M.

Editorial Board Members:
Doctor of Law, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan **Sabikenov S.**,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor **Kurmangali A.,**
candidate of Historical Sciences, Professor **Sembinov M.,**
candidate of politic.sciences **Zhabelova T.,**
candidate of polit.sciences **Chumachenko T.,**
Doctor of Law, Professor (Narxoz University) **Alibayeva G.,**
Doctor of Law, Professor (Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Republic of Kazakhstan) **Rogov I.,**
Doctor of Sciences, Professor (French *Institute for Central Asian Studies, INALCO University, France)* **Catherine Poujol,**
Doctor of Law, Professor (University of Lorraine, France) **Pierre Tifine,**
Doctor of Law, Professor (Pantheon-Sorbonne University, France) **Patrick Dollat,**
Doctor of Law, Professor (University of Lorraine, France) **Hugo Stahl**

Technical Secretary:
Master of Law (Department of International Law) **Naberezhnev S.,**

© Abai Kazakh National Pedagogical University 2026

Registered in the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan May 8, 2009 №10105-Zh

Signed in print 20.12.2021.
Format 60x84 1/8
Volume 15,75 teaching and publishing lists Number of copies 300. Order 326.

050010, Almaty, Dostyk avenue 13, Abai Kazakh national pedagogical

Publishing house “Ulagat” of Abai Kazakh national pedagogical university

Білім және ғылым саласындағы комитетінің шешімі негізінде (Қосымша 1 Білім және ғылым министрлігінің 2012 жылдың 10 шілдесінің №»1082 бұйрығына сәйкес) Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Хабаршысының “Халықаралық өмір және саясат” сериясы саяси ғылымдар бойынша диссертациялардың негізгі ғылыми нәтижелерін жариялау үшін басылымдар тізіміне ұсынылған.
На основании решения Комитета по контролю в сфере образования и науки (Приложение 1 к Приказу МОН РК от 10 июля 2012 года за №1082) Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Международная жизнь и политика» внесен в перечень изданий для публикаций основных научных результатов диссертаций по политическим наукам.
In accordance of the decision of the Committee on the control in the field of Education and Science (Annex 1 to the Order of MES RK from 10 July 2012 Order No. 1082) Bulletin KazNPU named after Abai, a series of "International Affairs and Politics" is included into the list editions for publication main scientific results of dissertations on Political Sciences Білім және ғылым саласындағы комитетінің шешімі негізінде (Қосымша 1 Білім және ғылым министрлігінің 2012 жылдың 10 шілдесінің №»1082 бұйрығына сәйкес) Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Хабаршысының “Халықаралық өмір және саясат” сериясы саяси ғылымдар бойынша диссертациялардың негізгі ғылыми нәтижелерін жариялау үшін басылымдар тізіміне ұсынылған.
На основании решения Комитета по контролю в сфере образования и науки (Приложение 1 к Приказу МОН РК от 10 июля 2012 года за №1082) Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Международная жизнь и политика» внесен в перечень изданий для публикаций основных научных результатов диссертаций по политическим наукам.
In accordance of the decision of the Committee on the control in the field of Education and Science (Annex 1 to the Order of MES RK from 10 July 2012 Order No. 1082) Bulletin KazNPU named after Abai, a series of "International Affairs and Politics" is included into the list editions for publication main scientific results of dissertate
ions on Political Sciences

МРНТИ 10.01.29. https://doi.org/10.51889/1728-550X.2026.86.3.001

Әліпұлы Е.[1], Медеубаев С.Т.[2]

[1] доктор PhD, первый заместитель директора – руководитель Центра исследований землетрясений Национального научного центра сейсмологических наблюдений и исследований МЧС Республики Казахстан

[2] доктор PhD, заведующий кафедрой международного права Института Сорбонна–Казахстан Казахского национального педагогического университета имени Абая; комплаенс-офицер Национального научного центра сейсмологических наблюдений и исследований МЧС Республики Казахстан (ННЦСНИ МЧС РК), Республика Казахстан

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЙСМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается современная нормативно-правовая модель обеспечения сейсмической безопасности в Республике Казахстан. Цель исследования — определить содержание действующих правовых механизмов защиты населения и объектов от землетрясений, выявить вопросы их согласованного применения и сформулировать направления дальнейшего совершенствования регулирования. Методологическую основу составляют формально-юридический, системно-структурный и функциональный методы; использованы анализ нормативных правовых актов и сопоставление их предмета регулирования. Основное внимание уделено главе 8-1 Закона Республики Казахстан «О гражданской защите», статьям 34 Строительного кодекса Республики Казахстан и положениям законодательства о техническом регулировании. Установлено, что действующая модель прямо связывает обеспечение сейсмической безопасности с оценкой сейсмической опасности и риска, сейсмологическим мониторингом, сейсмическим зонированием, сейсмостойким строительством и усилением существующих зданий. Вместе с тем результативность этих механизмов зависит от согласованности процедур

оценки риска, использования карт зонирования в планировочных и проектных решениях, обмена данными между ответственными субъектами и организации обследования существующего фонда. В качестве направлений развития предложены уточнение межведомственных процедур, разработка единого методического подхода к оценке сейсмического риска и повышение прослеживаемости решений, принимаемых на основе научных данных. Выводы основаны на нормативном анализе и не подменяют инженерную оценку конкретных территорий или объектов.

Ключевые слова: сейсмическая безопасность; Республика Казахстан; гражданская защита; сейсмическая опасность; сейсмический риск; сейсмологический мониторинг; сейсмическое зонирование; Строительный кодекс; сейсмостойкое строительство.

Е. Әліпұлы [1], С.Т. Медеубаев [2]

[1] PhD докторы, Қазақстан Республикасы Төтенше жағдайлар министрлігінің Сейсмологиялық бақылаулар мен зерттеулер ұлттық ғылыми орталығы директорының бірінші орынбасары – Жер сілкіністерін зерттеу орталығының басшысы

[2] PhD докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті «Сорбонна–Қазақстан» институтының халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі; Қазақстан Республикасы Төтенше жағдайлар министрлігінің Сейсмологиялық бақылаулар мен зерттеулер ұлттық ғылыми орталығының (ННЦСНИ МЧС РК) комплаенс-офицері, Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА СЕЙСМИКАЛЫҚ ҚАУІПСІЗДІКТІ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ: ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ, ПРОБЛЕМАЛАРЫ ЖӘНЕ ЖЕТІЛДІРУ БАҒЫТТАРЫ

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасында сейсмикалық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің қазіргі нормативтік-құқықтық моделі қарастырылады. Зерттеудің мақсаты — халық пен объектілерді жер сілкінісінен қорғаудың қолданыстағы құқықтық тетіктерінің мазмұнын айқындау, оларды үйлесімді қолдануға қатысты мәселелерді анықтау және құқықтық реттеуді одан әрі жетілдіру бағыттарын ұсыну. Әдіснамалық негізді формальды-құқықтық, жүйелік-құрылымдық және функционалдық әдістер құрайды; нормативтік

құқықтық актілерге талдау және олардың реттеу нысандарын салыстыру жүргізілді. Негізгі назар Қазақстан Республикасының «Азаматтық қорғау туралы» Заңының 8-1-тарауына, Қазақстан Республикасының Құрылыс кодексінің 34-бабына және техникалық реттеу туралы заңнамаға аударылды. Қолданыстағы модель сейсмикалық қауіпсіздікті сейсмикалық қауіп пен тәуекелді бағалаумен, сейсмологиялық мониторингпен, сейсмикалық аудандастырумен, жер сілкінісіне төзімді құрылыспен және қолданыстағы ғимараттарды күшейтумен тікелей байланыстыратыны анықталды. Бұл тетіктердің тиімділігі тәуекелді бағалау рәсімдерінің үйлесімділігіне, аудандастыру карталарын жоспарлау және жобалау шешімдерінде пайдалануға, жауапты субъектілер арасындағы деректер алмасуға және қолданыстағы ғимараттар қорын зерттеуді ұйымдастыруға байланысты. Құқықтық реттеуді дамыту үшін ведомствоаралық рәсімдерді нақтылау, сейсмикалық тәуекелді бағалаудың бірыңғай әдістемелік тәсілін әзірлеу және ғылыми деректер негізінде қабылданатын шешімдердің қадағалануын арттыру ұсынылады. Қорытындылар нормативтік-құқықтық талдауға негізделген және нақты аумақтар мен объектілерге инженерлік баға беруді алмастырмайды.

Түйін сөздер: сейсмикалық қауіпсіздік; Қазақстан Республикасы; азаматтық қорғау; сейсмикалық қауіп; сейсмикалық тәуекел; сейсмологиялық мониторинг; сейсмикалық аудандастыру; Құрылыс кодексі; жер сілкінісіне төзімді құрылыс.

Alipuly E.[1], Medeubayev S.T.[2]

[1] PhD, First Deputy Director – Head of the Earthquake Research Center of the National Scientific Center for Seismological Observations and Research of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Kazakhstan

[2] PhD, Head of the Department of International Law at the Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University; Compliance Officer at the National Scientific Center for Seismological Observations and Research of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Kazakhstan (NNSC SOR MES RK), Republic of Kazakhstan

LEGAL REGULATION OF SEISMIC SAFETY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: CURRENT STATUS, CHALLENGES, AND AREAS FOR IMPROVEMENT

Abstract

The article examines the current legal framework for seismic safety in the Republic of Kazakhstan. Its purpose is to identify the content of the legal mechanisms used to protect people and assets from earthquakes, consider issues arising from their coordinated implementation, and propose directions for further regulatory development. The methodology combines formal legal, systemic-structural and functional methods, including an analysis of statutory instruments and a comparison of their regulatory scope. Particular attention is paid to Chapter 8-1 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Civil Protection", Article 34 of the Construction Code, and legislation on technical regulation. The analysis shows that the current framework expressly links seismic safety with seismic hazard and risk assessment, seismological monitoring, seismic zoning, earthquake-resistant construction, and the strengthening of existing buildings. The effectiveness of these mechanisms, however, depends on consistent risk-assessment procedures, the use of zoning maps in planning and design decisions, data exchange among responsible institutions, and systematic assessment of the existing building stock. The article proposes clarifying interagency procedures, developing a unified methodological approach to seismic risk assessment, and improving the traceability of decisions based on scientific data. The conclusions are based on legal analysis and do not replace engineering assessments of specific territories or structures.

Keywords: seismic safety; Republic of Kazakhstan; civil protection; seismic hazard; seismic risk; seismological monitoring; seismic zoning; Construction Code; earthquake-resistant construction.

Сейсмическая безопасность представляет собой одно из значимых направлений государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Актуальность данной проблемы обусловлена масштабом возможных последствий землетрясений, которые могут выражаться в гибели и травмировании людей, разрушении жилых и общественных зданий, повреждении объектов критической инфраструктуры, нарушении функционирования систем жизнеобеспечения и возникновении значительных социально-экономических потерь. В связи с этим обеспечение

сейсмической безопасности требует комплексного подхода, основанного на взаимодействии правовых, организационных, научных и инженерно-технических механизмов.

Эффективность предупреждения последствий землетрясений определяется не только уровнем развития сейсмологических исследований и инженерных технологий, но и степенью интеграции научных результатов в систему государственного управления. Сведения о сейсмической опасности территории, результаты оценки возможного ущерба и информация о техническом состоянии зданий и сооружений должны учитываться при принятии решений в области территориального планирования, градостроительства, проектирования и строительства. Для практического применения таких данных необходимо наличие соответствующих правовых процедур, определяющих порядок их получения, проверки, актуализации и использования, а также распределение полномочий и ответственности между участвующими субъектами. Следовательно, одним из ключевых условий снижения сейсмических рисков является обеспечение взаимосвязи между научно обоснованной оценкой опасности и правовыми механизмами принятия управленческих решений.

В Республике Казахстан нормативно-правовая основа обеспечения сейсмической безопасности развивается посредством формирования специальных законодательных механизмов и установления требований к строительной деятельности. Существенное значение имеет включение в Закон Республики Казахстан «О гражданской защите» отдельной главы 8-1 «Сейсмическая безопасность», объединяющей положения статей 44-1–44-3 [2]. Указанные нормы определяют основные направления защиты от землетрясений, включая оценку сейсмической опасности и риска, мониторинг и применение результатов научных исследований. Дополняющим элементом правового регулирования выступает Строительный кодекс Республики Казахстан, введённый в действие с 1 июля 2026 года, статья 34 которого устанавливает требования к обеспечению сейсмической безопасности при проектировании и строительстве объектов [3]. Совместное рассмотрение этих положений позволяет исследовать правовые основы взаимодействия системы гражданской защиты и строительного регулирования в рассматриваемой сфере.

Несмотря на наличие законодательных положений, регулирующих отдельные направления сейсмической безопасности, их практическая реализация требует согласованного применения соответствующих нормативных требований и организационных процедур. Особую значимость приобретают

вопросы использования карт сейсмического зонирования, учёта результатов оценки риска при подготовке градостроительных и проектных решений, обследования существующего строительного фонда, обмена информацией между заинтересованными субъектами и определения их функциональных обязанностей. Анализ этих вопросов позволяет оценить не только содержание отдельных правовых норм, но и степень согласованности механизмов, посредством которых обеспечивается их практическое применение.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе правового и организационного обеспечения сейсмической безопасности в Республике Казахстан.

Предмет исследования составляют нормы законодательства о гражданской защите, строительстве и техническом регулировании, устанавливающие правовые основы оценки сейсмической опасности и риска, проведения сейсмологического мониторинга, применения результатов научных исследований и реализации мер по снижению уязвимости зданий и сооружений.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа нормативно-правового регулирования сейсмической безопасности в Республике Казахстан, определении взаимосвязи между основными законодательными механизмами и разработке научно обоснованных предложений по совершенствованию их согласованного применения.

Для достижения поставленной цели предусматривается решение следующих исследовательских задач:

1. Определить основные принципы и структурные элементы нормативно-правовой системы обеспечения сейсмической безопасности.
2. Проанализировать содержание и правовое значение статей 44-1–44-3 Закона Республики Казахстан «О гражданской защите» и статьи 34 Строительного кодекса Республики Казахстан.
3. Исследовать взаимосвязь между оценкой сейсмической опасности и риска, результатами мониторинга и требованиями к проектированию и строительству.
4. Выявить вопросы правового и организационного характера, требующие дополнительного изучения с учётом действующих нормативных правовых актов и нормативно-технических документов.
5. Сформулировать предложения по совершенствованию нормативных процедур, межведомственного взаимодействия и использования научных данных при принятии решений в области сейсмической безопасности.

Научная значимость исследования состоит в систематизации основных правовых механизмов обеспечения сейсмической безопасности и рассмотрении

их взаимосвязи в рамках единой модели регулирования. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных выводов при дальнейшем анализе законодательства, совершенствовании организационных процедур и разработке предложений, направленных на повышение согласованности правовых и инженерно-технических мер по снижению сейсмических рисков.

2. Материалы и методы исследования

Исследование проведено на основе анализа нормативных правовых актов Республики Казахстан в редакциях, доступных в информационно-правовой системе «Әділет» по состоянию на 10 октября 2026 года. Основными источниками послужили Конституция Республики Казахстан [1], Закон Республики Казахстан «О гражданской защите» [2], Строительный кодекс Республики Казахстан [3], Закон Республики Казахстан «О техническом регулировании» [4], а также Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы, используемая в качестве международного программного документа для сопоставления подходов к управлению рисками [5].

В ходе исследования применён формально-юридический метод, позволивший изучить содержание нормативных положений, определить их правовое значение и установить взаимосвязь между отдельными требованиями законодательства. Системно-структурный метод использован для анализа законодательства о гражданской защите, строительстве и техническом регулировании как взаимосвязанных элементов правового обеспечения сейсмической безопасности. Применение функционального метода позволило рассмотреть, какие задачи в области предупреждения сейсмических рисков, защиты населения и обеспечения безопасности зданий и сооружений решаются посредством соответствующих правовых норм.

Сопоставление национального законодательства с Сендайской рамочной программой осуществлялось на концептуальном уровне. Оно было направлено на выявление сходства в подходах к оценке рисков, предупреждению чрезвычайных ситуаций, повышению устойчивости объектов и подготовке к реагированию. При этом международная программа рассматривалась как основа для анализа общих принципов управления рисками, а не как нормативный акт, непосредственно устанавливающий обязанности субъектов в правовой системе Республики Казахстан.

Исследование носит нормативно-правовой характер и ограничивается анализом содержания законодательства и связанных с ним организационно-правовых механизмов. В рамках работы не проводились самостоятельные инженерно-технические обследования зданий, расчёты сейсмической опасности и риска, а также статистическая обработка первичных данных сейсмологического мониторинга. В связи с этим выявленные вопросы и возможные затруднения рассматриваются как направления для дальнейшего изучения и совершенствования правового регулирования. Они не являются самостоятельным доказательством недостаточной эффективности деятельности конкретных государственных органов или отсутствия необходимых процедур. Для подтверждения таких выводов потребуется дополнительное исследование правоприменительной практики, фактических данных мониторинга и результатов инженерных обследований.

Конституция Республики Казахстан закрепляет приоритет человека, его жизни, прав и свобод как высших ценностей государства [1]. Применительно к обеспечению сейсмической безопасности данное положение определяет общий смысл государственной деятельности, направленной на защиту населения от угроз, связанных с землетрясениями. Вместе с тем конституционные нормы устанавливают прежде всего основополагающие принципы, тогда как конкретные требования к обеспечению безопасности зданий и сооружений, порядку их обследования и компетенции государственных органов регулируются специальными нормативными правовыми актами. Поэтому определение конкретных обязанностей участников соответствующих правоотношений должно основываться на положениях профильного законодательства, а не только на общих конституционных принципах.

Основные правовые механизмы обеспечения сейсмической безопасности закреплены в нескольких взаимосвязанных законодательных актах. Закон Республики Казахстан «О гражданской защите» регулирует вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, при этом отдельная глава 8-1 посвящена непосредственно сейсмической безопасности [2]. Строительный кодекс Республики Казахстан устанавливает правовые основы архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, включая требования к безопасности объектов на соответствующих этапах их жизненного цикла [3]. Закон Республики Казахстан «О техническом регулировании», в свою очередь, определяет общие принципы установления обязательных требований и подтверждения соответствия им [4].

Таким образом, нормативное регулирование сейсмической безопасности осуществляется посредством нескольких отраслей права, каждая из которых решает определённые задачи. Законодательство о гражданской защите предусматривает организационные и предупредительные меры, направленные на защиту населения и территорий от последствий землетрясений. Строительное законодательство регулирует вопросы обеспечения безопасности при проектировании, строительстве и эксплуатации соответствующих объектов в пределах установленного им предмета регулирования. Законодательство о техническом регулировании формирует общую правовую основу для установления обязательных требований и оценки их соблюдения. В совокупности эти нормативные акты образуют правовую систему, направленную на предупреждение сейсмических рисков и уменьшение возможного ущерба.

Для правильного понимания данной системы необходимо различать три взаимосвязанных уровня правового регулирования. Первый уровень составляют законодательные положения, определяющие основные цели, принципы и направления обеспечения сейсмической безопасности. Второй включает подзаконные нормативные правовые акты, которые конкретизируют порядок реализации законодательных положений, распределение полномочий и процедуры взаимодействия соответствующих органов и организаций. Третий уровень представлен нормативно-техническими документами, устанавливающими конкретные требования к проектированию, строительству, инженерным расчётам и применению технических решений.

Разграничение указанных уровней имеет существенное значение для научного анализа и практического применения законодательства. Оно позволяет определить, какие положения непосредственно закреплены законом, какие процедуры устанавливаются подзаконными актами и какие требования содержатся в нормативно-технической документации. Несоблюдение такого разграничения может привести к неправильному толкованию действующих норм, в частности к представлению научных рекомендаций или предлагаемых мер совершенствования в качестве уже установленных обязательных требований. Следовательно, объективная оценка правового обеспечения сейсмической безопасности предполагает комплексное рассмотрение законодательства с учётом содержания, юридической силы и сферы применения соответствующих нормативных документов.

Статья 44-1 Закона Республики Казахстан «О гражданской защите» определяет основные направления обеспечения сейсмической безопасности, связывая защиту от землетрясений с проведением оценки сейсмической опасности и сейсмического риска, а также осуществлением сейсмологического мониторинга [2, ст. 44-1]. Объединение указанных направлений в рамках единого законодательного механизма свидетельствует о комплексном подходе к регулированию данной сферы. При этом каждое из названных направлений выполняет самостоятельную функцию. Оценка сейсмической опасности позволяет определить характеристики возможных сейсмических воздействий и вероятность их возникновения, тогда как оценка сейсмического риска ориентирована на установление вероятных последствий таких воздействий с учётом степени подверженности и уязвимости населения, зданий, сооружений и инфраструктуры. Сейсмологический мониторинг, в свою очередь, обеспечивает систематическое получение информации о сейсмической активности, необходимой для научного анализа и обоснования соответствующих защитных мероприятий.

Конкретизация предусмотренных законом направлений содержится в статье 44-2, устанавливающей перечень основных мер по защите от землетрясений. К ним относятся расширение и модернизация сети сейсмологических станций и автоматизированных систем раннего оповещения, проведение научных исследований, разработка нормативных документов с учётом карт сейсмического зонирования, паспортизация зданий и сооружений в сейсмоопасных регионах, развитие сейсмостойкого строительства и проведение мероприятий по сейсмоусилению, а также осуществление сейсмического зонирования и сейсмологического мониторинга [2, ст. 44-2]. Содержание данной нормы позволяет рассматривать систему защиты от землетрясений как совокупность взаимосвязанных научных, информационных, нормативных и инженерно-технических инструментов. Их функциональное назначение заключается не только в выявлении потенциальных угроз, но и в создании условий для уменьшения уязвимости застроенных территорий и повышения устойчивости объектов к сейсмическим воздействиям.

Особое значение в рассматриваемой системе имеет статья 44-3 Закона «О гражданской защите», регулирующая вопросы проведения оценки сейсмической опасности и риска и использования её результатов. Согласно данной норме, соответствующая оценка осуществляется научными организациями, на основании результатов оценки сейсмической опасности формируются карты

сейсмического зонирования (районирования), а также предусматривается подготовка карт сейсмического риска [2, ст. 44-3]. Тем самым законодатель закрепляет институциональную роль научных организаций в формировании информационной основы для принятия решений в сфере сейсмической безопасности. Научные результаты в данном случае выступают не только средством изучения сейсмических процессов, но и одним из элементов нормативно регулируемой системы защиты населения и территорий. Вместе с тем практическое применение соответствующих материалов предполагает соблюдение установленного порядка их разработки, актуализации и использования, определяемого законодательством и применимыми нормативными документами.

Системное рассмотрение указанных положений позволяет сформировать аналитическую модель последовательного взаимодействия основных инструментов обеспечения сейсмической безопасности. Первоначальным этапом выступает получение и обработка данных сейсмологического мониторинга и научных исследований, на основе которых осуществляется оценка сейсмической опасности. Далее результаты оценки используются при определении сейсмического риска и подготовке соответствующих картографических материалов. Полученная информация может служить основой для принятия решений в области территориального планирования, градостроительства и проектирования, а также для обоснования инженерно-технических и организационных мероприятий по снижению потенциального ущерба.

Следует подчеркнуть, что представленная последовательность отражает аналитическое понимание взаимосвязи предусмотренных законодательством механизмов, а не самостоятельный алгоритм, непосредственно закреплённый в законе. Её практическая результативность зависит от согласованности нормативных требований, качества исходных данных, своевременности актуализации результатов оценки и обеспеченности процедур их использования необходимыми организационными механизмами. Следовательно, эффективность правового регулирования сейсмической безопасности определяется не только наличием отдельных законодательных предписаний, но и степенью их взаимной согласованности, а также возможностью последовательного применения результатов научных исследований при подготовке и реализации конкретных управленческих, градостроительных и инженерных решений.

Таблица 1 — Основные элементы правовой модели сейсмической безопасности

Нормативное основание	**Содержание регулирования**	**Правовое и организационное значение**
Закон «О гражданской защите», ст. 44-1 [2]	Оценка сейсмической опасности и риска; сейсмологический мониторинг	Формирует общую законодательную конструкцию обеспечения сейсмической безопасности.
Закон «О гражданской защите», ст. 44-2 [2]	Станции и раннее оповещение; исследования; зонирование; паспортизация; сейсмостойкое строительство и усиление	Определяет основные направления превентивных мер.
Закон «О гражданской защите», ст. 44-3 [2]	Оценка опасности и риска научными организациями; карты зонирования и риска	Связывает научные результаты с задачами планирования и управления рисками.
Строительный кодекс, ст. 34 [3]	Требования к учёту сейсмической безопасности в проектной документации и при строительстве	Закрепляет строительный уровень реализации мер защиты.
Закон «О техническом регулировании» [4]	Правовые основы обязательных требований и оценки соответствия	Обеспечивает общую рамку для технических требований и контроля их исполнения.

Источник: составлено авторами на основе нормативных правовых актов [2–4].

Статья 34 Строительного кодекса Республики Казахстан закрепляет нормативные требования, направленные на обеспечение сейсмической безопасности при проектировании и строительстве объектов. В соответствии с установленными положениями строительная деятельность должна осуществляться на основании проектной документации, предусматривающей необходимые меры защиты от сейсмических воздействий, а также условия для экстренной эвакуации людей в случае землетрясения. К числу основных требований относится соблюдение государственных нормативных документов, регулирующих проектирование и строительство в сейсмически опасных зонах [3, ст. 34]. Следовательно, обеспечение сейсмической безопасности рассматривается законодателем не только в контексте предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, но и как обязательный элемент нормативного регулирования проектных и строительных процессов.

С практической точки зрения особую значимость приобретает обеспечение взаимосвязи между результатами сейсмического зонирования территории и решениями, принимаемыми в рамках градостроительной деятельности и проектирования конкретных объектов. Само по себе наличие карт сейсмического зонирования не обеспечивает автоматического снижения уровня риска, поскольку их практическая ценность определяется тем, насколько последовательно соответствующие сведения учитываются при подготовке градостроительной документации, проведении инженерных изысканий и разработке проектных решений. В этой связи необходимо обеспечить нормативную определённость процедур использования таких данных, включая установление этапов их проверки, определение ответственных субъектов, подтверждение актуальности исходной информации и документальное отражение результатов её учёта при принятии технических и планировочных решений. Решение данной задачи предполагает согласованное применение положений Строительного кодекса, законодательства Республики Казахстан о гражданской защите и действующих нормативно-технических документов.

Вместе с тем при толковании законодательных положений необходимо разграничивать общие требования к обеспечению сейсмической безопасности и конкретные ограничения либо обязательства, возникающие при проектировании и строительстве отдельных объектов. Само по себе закрепление в законодательстве обязанности соблюдать требования сейсмической безопасности не является достаточным основанием для вывода о наличии универсального запрета на строительство зданий определённой этажности или

об обязательности проведения отдельной экспертизы во всех случаях. Применение подобных требований должно определяться с учётом соответствующих нормативно-технических предписаний, результатов инженерных изысканий, характеристик конкретного объекта и предусмотренных законодательством процедур согласования и экспертизы.

Таким образом, научно-правовая оценка требований в области сейсмической безопасности должна основываться на чётком разграничении нормативно закреплённых обязанностей и инженерно-технических критериев их практической реализации. Такой подход позволяет избежать расширительного толкования законодательства и обеспечивает более точное определение правовых оснований для принятия решений в сфере территориального планирования, проектирования и строительства в сейсмически опасных районах

Изучение действующей нормативно-правовой базы позволяет определить ряд направлений, дальнейшая разработка которых может способствовать повышению эффективности правового и организационного обеспечения сейсмической безопасности в Республике Казахстан. При этом выявленные вопросы следует рассматривать как потенциальные области совершенствования регулирования, а не как подтверждение наличия правонарушений либо отсутствия соответствующих правовых механизмов. Объективная оценка их состояния требует проведения комплексного анализа применимых подзаконных нормативных правовых актов и изучения практики их реализации.

Первостепенное значение имеет обеспечение методологической согласованности при оценке сейсмического риска. Несмотря на нормативное закрепление соответствующего направления деятельности, практическое применение результатов оценки предполагает наличие единых методических подходов, позволяющих сопоставлять полученные показатели для различных территорий и объектов. В этой связи целесообразно предусмотреть чёткие требования к составу и достоверности исходной информации, параметрам оценки уязвимости зданий и сооружений, временному горизонту расчётов, определению вероятных последствий и возможного ущерба, а также периодичности актуализации результатов. При этом унификация методических требований должна обеспечивать сопоставимость результатов, не ограничивая научную самостоятельность исследовательских организаций и возможность применения обоснованных специализированных методов. Соблюдение данного принципа позволит повысить обоснованность использования результатов научных исследований при подготовке и принятии управленческих решений.

Самостоятельным направлением совершенствования системы сейсмической безопасности является обеспечение надлежащего технического состояния существующего строительного фонда. Паспортизация зданий и сооружений, а также проведение мероприятий по их сейсмоусилению предусмотрены законодательством в качестве составляющих защиты от землетрясений [2, ст. 44-2]. Вместе с тем практическая реализация указанных мер требует системного подхода к определению очередности обследований и выбору последующих технических решений. Для этого необходимо учитывать функциональное назначение объектов, их значение для жизнедеятельности населения, конструктивные особенности, фактическое техническое состояние и результаты оценки сейсмической уязвимости. Существенное значение имеют документальное закрепление результатов обследований и установление обоснованной последовательности принятия решений о проведении ремонтных работ, сейсмоусилении, ограничении эксплуатации либо применении иных предусмотренных законодательством мер. Следовательно, при определении приоритетов следует опираться прежде всего на результаты инженерно-технического обследования и действующие нормативные требования, поскольку возраст здания или его внешнее состояние сами по себе не позволяют достоверно установить степень сейсмического риска.

Не менее важным условием эффективного управления сейсмическими рисками выступает обеспечение информационной согласованности между системами сейсмологического мониторинга, оценки опасности и риска, а также планирования и регулирования строительной деятельности. Организация межведомственного обмена сведениями должна предусматривать требования к достоверности и происхождению данных, указанию даты их получения и актуализации, форматам передачи, условиям доступа и порядку внесения изменений. Особого внимания требует развитие цифровых инструментов, обеспечивающих использование научной информации при подготовке территориальных и градостроительных решений. При этом принципиально важно разграничивать сведения о зарегистрированной сейсмической активности, результаты научной оценки опасности и риска, сообщения систем раннего оповещения и официальные решения уполномоченных органов. Указанные категории информации различаются по своему содержанию, назначению и правовому значению, поэтому их смешение может привести к некорректному восприятию уровня угрозы и характера необходимых защитных мер.

Отдельного рассмотрения требует совершенствование межведомственного взаимодействия в сфере обеспечения сейсмической безопасности. Предусмотренные статьёй 44-2 Закона Республики Казахстан «О гражданской защите» меры защиты от землетрясений затрагивают деятельность различных субъектов, включая профильные научные организации, органы гражданской защиты, участников строительной деятельности и органы местного государственного управления. В связи с этим важное значение приобретает согласование процедур передачи и рассмотрения результатов оценки сейсмического риска, определение сроков актуализации соответствующих сведений, закрепление ответственности за выполнение предусмотренных функций и установление механизмов обратной связи при обнаружении несоответствий. Последовательное регулирование этих процессов позволит снизить вероятность организационных сбоев, связанных с несвоевременным поступлением информации, нарушением преемственности между этапами её обработки и недостаточной координацией действий заинтересованных субъектов. Таким образом, эффективность управления рисками определяется не только полнотой имеющихся научных данных, но и тем, насколько последовательно они используются при подготовке и реализации практических решений.

Наконец, важным направлением правового и организационного обеспечения сейсмической безопасности является формирование корректного представления населения о возможностях и пределах сейсмологического прогнозирования и раннего оповещения. Мониторинг сейсмической активности и применение систем оповещения имеют существенное значение для своевременного информирования населения и уменьшения возможных последствий землетрясений. Однако их назначение не следует интерпретировать как гарантию точного определения времени, места и магнитуды каждого будущего сейсмического события. Эффективность оповещения зависит от характеристик конкретного события, доступного времени для передачи сигнала, технической надёжности системы и готовности населения следовать установленным рекомендациям. В то же время снижение сейсмического риска предполагает реализацию комплекса взаимодополняющих мероприятий, включающих повышение устойчивости зданий и сооружений, подготовку населения к действиям в чрезвычайных ситуациях, организацию эвакуационных мероприятий и обеспечение готовности критически важной инфраструктуры. Следовательно, информирование населения должно основываться на научно обоснованных сведениях, учитывать различия между прогнозными оценками и

официальными предупреждениями и способствовать формированию реалистичного понимания существующих угроз и доступных средств защиты.

Синайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы определяет основные направления международной политики в области предупреждения чрезвычайных ситуаций и уменьшения их последствий. К числу приоритетных задач отнесены формирование комплексного понимания рисков, совершенствование механизмов управления ими, инвестирование в повышение устойчивости и развитие потенциала готовности к эффективному реагированию на чрезвычайные ситуации [5]. Указанные положения методологически согласуются с основными подходами, применяемыми в национальном регулировании сейсмической безопасности, где оценка опасностей и рисков должна осуществляться во взаимосвязи с мониторингом сейсмической активности, инженерными изысканиями и реализацией защитных мероприятий. Вместе с тем Сендайская рамочная программа представляет собой международный программный документ и не подменяет национальное законодательство, определяющее конкретные полномочия, обязанности и пределы ответственности государственных органов, застройщиков и собственников объектов недвижимости.

Проведённый анализ нормативного регулирования позволяет обосновать необходимость дальнейшего развития правовых и организационных механизмов управления сейсмическими рисками. В качестве перспективных направлений совершенствования представляется целесообразным выделить следующие.

Во-первых, необходимо обеспечить развитие единых методологических подходов к оценке сейсмического риска. Для этого целесообразно разработать либо пересмотреть действующие методические документы, установив унифицированные требования к составу и достоверности исходных данных, методам определения уязвимости объектов, формам представления результатов оценки и периодичности их актуализации. При разработке соответствующих положений следует обеспечить их согласованность с компетенцией научных организаций и установленным статьёй 44-3 Закона Республики Казахстан «О гражданской защите» порядком применения карт сейсмического зонирования.

Во-вторых, требуется повысить определённость правового механизма использования результатов сейсмического зонирования и инженерных изысканий при подготовке документов территориального планирования, градостроительной документации и проектировании объектов строительства. Для обеспечения прослеживаемости принимаемых решений целесообразно

закрепить порядок документального подтверждения учёта соответствующих данных на каждом этапе, а также определить ответственных участников и формы проверки соблюдения установленных требований. Такой подход позволит усилить взаимосвязь между научной оценкой сейсмической опасности и практическими решениями в сфере строительства и территориального развития.

В-третьих, представляется обоснованным совершенствование системы обследования существующих зданий и сооружений на основе риск-ориентированного подхода. При определении очередности обследований необходимо учитывать предполагаемый уровень сейсмического воздействия, техническое состояние и конструктивные характеристики объектов, численность находящихся в них людей, а также их функциональную значимость для обеспечения жизнедеятельности населения. Особое внимание следует уделять объектам массового пребывания людей, учреждениям социальной инфраструктуры и объектам жизнеобеспечения. Конкретные критерии оценки и последовательность проведения обследований должны устанавливаться компетентными органами с учётом действующих нормативных требований и результатов инженерно-технических исследований.

В-четвёртых, важным условием повышения эффективности управления сейсмическими рисками является совершенствование межведомственного информационного взаимодействия. В этой связи целесообразно нормативно определить порядок обмена данными между уполномоченными государственными органами, научными организациями и иными субъектами, участвующими в обеспечении сейсмической безопасности. Соответствующий регламент должен устанавливать перечень передаваемых сведений, сроки их предоставления и обновления, требования к форматам данных, условия доступа, а также процедуры проверки и исправления выявленных ошибок. При этом внедрение цифровых решений должно сопровождаться обеспечением достоверности, совместимости и защищённости используемой информации.

В-пятых, дальнейшего развития требует организационно-правовое обеспечение раннего оповещения о землетрясениях и подготовленности населения к действиям в условиях сейсмической угрозы. Совершенствование данного направления предполагает установление согласованных процедур проверки достоверности сигналов, определения каналов их распространения, распределения обязанностей между ответственными субъектами и регулярного тестирования технических средств оповещения. При этом система оповещения должна рассматриваться не изолированно, а как составная часть комплексного

механизма готовности к чрезвычайным ситуациям, включающего планы эвакуации, обучение населения, подготовку персонала и обеспечение функциональной устойчивости критически важных объектов инфраструктуры.

В-шестых, необходимо обеспечить повышение доступности и понятности информации о сейсмических рисках для населения. Публикуемые сведения должны содержать разъяснения относительно характера потенциальных угроз, правил поведения при землетрясении и правового значения официально распространяемых карт, оценок и предупреждений. Особое значение имеет разграничение научных выводов об уровне опасности, расчётных сценариев возможного развития событий и официальных решений, принимаемых уполномоченными органами. Соблюдение данного принципа будет способствовать повышению правовой определённости, формированию культуры безопасности и укреплению доверия к официальным источникам информации.

Следует подчеркнуть, что перечисленные направления представляют собой предложения по совершенствованию правового и организационного обеспечения сейсмической безопасности, а не утверждение об отсутствии соответствующих механизмов в действующем законодательстве. Их практическая реализация должна предваряться комплексной инвентаризацией нормативных правовых актов и нормативно-технических документов, анализом распределения компетенции между уполномоченными субъектами и оценкой фактической эффективности существующих процедур. Дополнительным условием разработки обоснованных решений является проведение консультаций с профильными научными организациями, специалистами в области сейсмологии, инженерной защиты и строительства. Такой подход позволит выявить реальные пробелы регулирования, исключить дублирование уже установленных требований и сформировать согласованные предложения по дальнейшему развитию национальной системы управления сейсмическими рисками.

Результаты проведённого нормативно-правового исследования свидетельствуют о формировании в Республике Казахстан правовых механизмов, направленных на обеспечение сейсмической безопасности и снижение последствий землетрясений. Закон Республики Казахстан «О гражданской защите» предусматривает регулирование ряда взаимосвязанных направлений в данной сфере, включая оценку сейсмической опасности и риска, мониторинг, сейсмическое зонирование, раннее оповещение, паспортизацию и сейсмоусиление зданий и сооружений. Нормативные требования в области

строительства определяют необходимость учёта факторов сейсмической безопасности при проектировании и возведении объектов, тогда как законодательство о техническом регулировании устанавливает общие правовые основы формирования обязательных требований и проведения оценки соответствия [2–4].

Вместе с тем наличие нормативно закреплённых требований само по себе не обеспечивает достижения необходимого уровня сейсмической устойчивости. Результативность правового регулирования во многом определяется согласованностью предусмотренных законодательством процедур, последовательностью их реализации и эффективностью взаимодействия субъектов, участвующих в обеспечении безопасности. В данном контексте особую значимость приобретают формирование сопоставимых подходов к оценке сейсмического риска, надлежащая интеграция результатов сейсмического зонирования в градостроительную и проектную документацию, систематическое обследование существующего строительного фонда, обеспечение достоверного межведомственного информационного обмена и чёткое разграничение полномочий научных организаций и государственных органов.

В целях дальнейшего совершенствования национальной системы регулирования сейсмической безопасности обоснована целесообразность развития единых методических принципов оценки сейсмического риска, уточнения порядка применения научных данных при территориальном планировании и проектировании, внедрения риск-ориентированных механизмов обследования зданий и сооружений, нормативного упорядочения межведомственного обмена информацией и совершенствования системы раннего оповещения в рамках комплексной подготовки населения к чрезвычайным ситуациям. Реализация указанных предложений предполагает предварительное изучение действующих подзаконных нормативных правовых актов и нормативно-технических документов, необходимое для установления фактических пробелов регулирования и исключения дублирования существующих правовых механизмов.

Определённым ограничением проведённого исследования является его преимущественно нормативно-правовая направленность. Анализ законодательных положений позволяет выявить особенности правового регулирования, установить взаимосвязи между отдельными нормативными требованиями и определить потенциальные направления их совершенствования,

однако не даёт достаточных оснований для исчерпывающей оценки фактической эффективности реализации соответствующих мер. Для получения более полного представления о состоянии системы сейсмической безопасности необходимо дополнить правовой анализ изучением правоприменительной практики, эмпирических данных о сейсмических рисках и результатами инженерно-технического обследования зданий и сооружений.

В связи с этим перспективы дальнейших научных исследований целесообразно связать с комплексным сопоставлением действующих правовых требований и практики их реализации. Особое внимание следует уделить оценке фактического использования сейсмологических данных при принятии градостроительных решений, результативности обследования и сейсмоусиления существующих объектов, а также эффективности взаимодействия государственных органов и профильных научных организаций. Подобный исследовательский подход позволит сформировать более обоснованные предложения по совершенствованию нормативной базы и повышению эффективности организационно-правовых механизмов управления сейсмическими рисками в Республике Казахстан.

Список использованных источников

1. *Конституция Республики Казахстан, принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями). Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 10.10.2026).*
2. *Закон Республики Казахстан от 11 апреля 2014 года № 188-V «О гражданской защите» (в действующей редакции; глава 8-1 «Сейсмическая безопасность», статьи 44-1–44-3). Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000188 (дата обращения: 10.10.2026).*
3. *Строительный кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 253-VIII ЗРК (введён в действие с 1 июля 2026 года; статья 34 «Требования к обеспечению сейсмической безопасности»). Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000253 (дата обращения: 10.10.2026).*
4. *Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2020 года № 396-VI «О техническом регулировании» (с изменениями и дополнениями). Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000396 (дата обращения: 10.10.2026).*

5. United Nations Office for Disaster Risk Reduction. Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030. Geneva: UNDRR, 2015. URL: https://www.undrr.org/publication/sendai-framework-disaster-risk-reduction-2015-2030 (accessed: 10.10.2026).

МРНТИ 81.93.29. https://doi.org/10.51889/1728-550X.2025.83.4.002

Хусаинов О.Б.[1], Абдирова Г.А.[2]

[1]к.ю.н., доцент кафедры международного права института Сорбонна-Казахстан» КазНПУ им. Абая

[2]к.ю.н., доцент кафедры международного права, Казахского Университета Международных отношений и Мировых языков им. Абылай хана

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация

В статье современное состояние и перспективы международно-правового сотрудничества Республики Казахстан в сфере искусственного интеллекта. Анализируются международные нормативные и рекомендательные документы, основные направления деятельности международных организаций, а также национальное законодательство Казахстана в области регулирования искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется проблемам защиты прав человека, трансграничного обмена данными, информационной безопасности, распределения юридической ответственности и гармонизации национальных правовых подходов. Обосновывается необходимость расширения международного сотрудничества Казахстана, развития регионального взаимодействия в Центральной Азии и участия в формировании международных стандартов ответственного использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международное право, международно-правовое сотрудничество, Республика Казахстан, международные организации, цифровая трансформация, права человека, защита данных, информационная безопасность, международные стандарты.

О.Б. Хусаинов[1], Г.А. Абдирова[2]

[1]заң ғылымдарының кандидаты, Абай атындағы ҚазҰПУ-дың «Сорбонна–Қазақстан» институтының халықаралық құқық кафедрасының доценті

[2]заң ғылымдарының кандидаты, Абылай хан атындағы Қазақ Халықаралық қатынастар және Әлем тілдері университетінің халықаралық құқық кафедрасының доценті

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ САЛАСЫНДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫНЫҢ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасының жасанды интеллект саласындағы халықаралық-құқықтық ынтымақтастығының қазіргі жағдайы мен даму перспективалары зерттеледі. Халықаралық нормативтік және ұсынымдық құжаттар, халықаралық ұйымдар қызметінің негізгі бағыттары, сондай-ақ жасанды интеллектіні реттеу саласындағы Қазақстанның ұлттық заңнамасы талданады. Адам құқықтарын қорғау, деректерді трансшекаралық алмасу, ақпараттық қауіпсіздік, заңдық жауапкершілікті бөлу және ұлттық құқықтық тәсілдерді үйлестіру мәселелеріне ерекше назар аударылады. Қазақстанның халықаралық ынтымақтастығын кеңейту, Орталық Азиядағы өңірлік өзара іс-қимылды дамыту және жасанды интеллектіні жауапты пайдаланудың халықаралық стандарттарын қалыптастыруға қатысу қажеттілігі негізделеді.

Түйін сөздер: жасанды интеллект, халықаралық құқық, халықаралық-құқықтық ынтымақтастық, Қазақстан Республикасы, халықаралық ұйымдар, цифрлық трансформация, адам құқықтары, деректерді қорғау, ақпараттық қауіпсіздік, халықаралық стандарттар.

Khussainov O.B.[1], Abdirova G.A.[2]

[1]Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International Law at the Sorbonne–Kazakhstan Institute of Abai Kazakh National Pedagogical University

[2]Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International Law at Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages

THE CURRENT STATE AND PROSPECTS OF INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract

The article examines the current state and prospects of international legal cooperation between the Republic of Kazakhstan and the international community in the field of artificial intelligence. It analyzes international regulatory and recommendatory instruments, the main areas of activity of international organizations, and Kazakhstan's national legislation governing artificial intelligence. Particular attention is paid to issues concerning the protection of human rights, cross-border data exchange, information security, the allocation of legal liability, and the harmonization of national legal frameworks. The article substantiates the need to expand Kazakhstan's international cooperation, strengthen regional collaboration in Central Asia, and participate in the development of international standards for the responsible use of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, international law, international legal cooperation, Republic of Kazakhstan, international organizations, digital transformation, human rights, data protection, information security, international standards.

Развитие искусственного интеллекта (далее — ИИ) является одним из ключевых факторов трансформации международных отношений и современной системы международного права. Использование интеллектуальных систем в государственном управлении, экономике, образовании, здравоохранении, международной торговле и сфере безопасности создаёт новые возможности для взаимодействия государств, одновременно порождая правовые проблемы трансграничного характера.

Актуальность исследования обусловлена тем, что технологическое развитие происходит быстрее, чем формирование универсальных правовых механизмов регулирования ИИ. В частности, сохраняются вопросы определения ответственности за решения, принятые с использованием алгоритмов, защиты персональных данных, предотвращения дискриминации, обеспечения

прозрачности интеллектуальных систем и соблюдения прав человека. Решение указанных проблем требует согласованных действий государств и международных организаций.

Для Республики Казахстан международно-правовое сотрудничество в сфере ИИ имеет особое значение в контексте цифровизации экономики, совершенствования государственного управления и укрепления международных позиций страны. Принятие специального Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» стало важным этапом формирования национальной правовой основы регулирования данной сферы [1]. Вместе с тем эффективность национального законодательства во многом зависит от его взаимодействия с международными стандартами и механизмами сотрудничества.

Цель исследования — определить современное состояние международно-правового сотрудничества Республики Казахстан в сфере искусственного интеллекта и разработать предложения по его дальнейшему развитию.

Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы исследования.

Говоря и перспективах международного сотрудничества Казахстана в сфере искусственного интеллекта, необходимо дать анализ современного состояния международно-правового регулирования искусственного интеллекта.

Фактически международно-правовое регулирование искусственного интеллекта находится на этапе формирования комплексной системы норм и принципов, объединяющей международные договоры, документы рекомендательного характера, региональные правовые акты и национальное законодательство. При этом универсального международного договора, охватывающего все аспекты разработки и использования ИИ, пока не существует.

Как отмечают исследователи Стюарт Рассел и Питер Норвиг, искусственный интеллект представляет собой широкую область научных исследований и технологических решений, направленных на создание систем, способных выполнять задачи, требующие интеллектуальной обработки информации [2]. С правовой точки зрения данная особенность означает необходимость учитывать не только технические характеристики таких систем, но и последствия их применения для человека, общества и государства.

Важное значение имеет деятельность Организации Объединённых Наций. Пакт во имя будущего, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 22 сентября

2024 года, включает Глобальный цифровой договор, предусматривающий развитие международного сотрудничества в сфере цифровых технологий. Документ отражает стремление государств обеспечить открытое, безопасное и инклюзивное цифровое пространство, содействовать сокращению цифрового неравенства и укреплять международное взаимодействие в области управления технологиями [3].

Значительный вклад в формирование международных стандартов вносит ЮНЕСКО. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта, принятая 23 ноября 2021 года, закрепляет ориентиры, связанные с уважением человеческого достоинства, защитой прав человека, прозрачностью, справедливостью, ответственностью и человеческим контролем [4]. Несмотря на рекомендательный характер документа, его положения оказывают существенное влияние на разработку национальных стратегий и правовых механизмов регулирования ИИ.

Особое место занимает Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права, открытая для подписания 5 сентября 2024 года. Она направлена на обеспечение соответствия деятельности, связанной с системами ИИ, требованиям защиты прав человека, демократии и верховенства права [5]. Значение Конвенции состоит в формировании договорной основы для международного сотрудничества в данной области. Возможности участия Республики Казахстан в этом договорном механизме необходимо оценивать с учётом установленных Конвенцией условий подписания и присоединения, а также актуального статуса государства.

Отдельного внимания заслуживает Регламент Европейского союза 2024/1689 об искусственном интеллекте (EU AI Act). Он предусматривает риск-ориентированную модель регулирования, в рамках которой требования к системам ИИ определяются с учётом потенциальной опасности их применения [6]. Данный опыт представляет практический интерес для Казахстана, развивающего экономические, научные и технологические связи с государствами Европейского союза.

Таким образом, современная международная практика демонстрирует постепенный переход от преимущественно этических рекомендаций к формированию более конкретных правовых обязательств и механизмов контроля. При этом сохраняются различия между универсальными и

региональными подходами, что обусловливает необходимость дальнейшего международного диалога.

Важным этапом развития национальной системы регулирования стало принятие Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК, вступившего в силу 18 января 2026 года [1]. Закон формирует специальную правовую основу для регулирования общественных отношений в сфере ИИ и закрепляет основные принципы его использования.

К числу значимых принципов относятся приоритет благополучия человека, ответственность и подконтрольность, защита данных и конфиденциальности, прозрачность и объяснимость, безопасность и защищённость систем. Эти положения имеют непосредственное значение для развития международного сотрудничества, поскольку отражают основные направления сближения национального законодательства с формирующимися международными стандартами.

В частности, приоритет благополучия человека предполагает, что внедрение ИИ не должно приводить к необоснованному ограничению прав и свобод граждан. Принципы ответственности и подконтрольности требуют создания механизмов определения лиц, отвечающих за разработку и применение соответствующих систем. Требования к защите данных приобретают особое значение при трансграничной обработке информации и использовании зарубежных цифровых платформ.

Законодательство Республики Казахстан должно рассматриваться во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами, включая Закон «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года № 94-V и Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «О кибербезопасности» [7; 8]. Их совместное применение имеет значение для обеспечения правомерной обработки информации, защиты информационных систем и регулирования цифровых процессов.

При этом наличие национального законодательства само по себе не обеспечивает полного решения трансграничных проблем. Если разработчик ИИ находится в одном государстве, вычислительная инфраструктура — в другом, а пользователь и лицо, которому причинён вред, — в третьем, возникает необходимость определения применимого права, компетентной юрисдикции и механизмов международной правовой помощи.

В этих условиях международное сотрудничество Казахстана целесообразно развивать по нескольким направлениям.

Во-первых, необходимо участвовать в международном обсуждении принципов ответственного использования ИИ в рамках ООН, ЮНЕСКО и других международных площадок. Это позволит учитывать формирующиеся стандарты и представлять интересы государства в процессе выработки международных подходов.

Во-вторых, важным направлением является развитие сотрудничества с государствами Европейского союза и другими технологически развитыми странами. Практический интерес представляют обмен опытом в сфере регулирования систем повышенного риска, обеспечение прозрачности алгоритмов, проведение оценки воздействия ИИ на права человека и подготовка специалистов.

В-третьих, необходимо укреплять региональное взаимодействие в Центральной Азии. Государства региона сталкиваются с общими задачами цифровизации государственного управления, защиты данных и противодействия киберугрозам. Разработка согласованных подходов и обмен правоприменительной практикой могли бы повысить эффективность регионального сотрудничества.

Следовательно, Казахстану важно сочетать развитие собственной нормативной базы с активным участием в международных процессах формирования правил использования ИИ.

Несмотря на развитие международных инициатив, регулирование ИИ сопровождается рядом нерешённых правовых проблем.

Первая проблема связана с определением юридической ответственности. Системы ИИ могут участвовать в подготовке решений, влияющих на имущественные интересы, безопасность и права граждан. Однако сам факт использования алгоритма не освобождает разработчика, поставщика, владельца или пользователя от обязанностей, установленных законом. Необходимо учитывать характер их действий, степень контроля над системой и причинную связь между использованием технологии и наступившим вредом.

В международных ситуациях дополнительную сложность создают различия национальных законодательств. Одно и то же действие может оцениваться по-разному в зависимости от применимого права. Поэтому перспективным направлением является сближение подходов к ответственности за вред,

причинённый системами ИИ, и развитие механизмов международного взаимодействия при рассмотрении соответствующих споров.

Вторая проблема касается защиты прав человека. Использование алгоритмов при предоставлении государственных услуг, осуществлении правоохранительной деятельности, приёме на работу и распределении социальных ресурсов может приводить к дискриминационным последствиям. Исследователь Лилиан Эдвардс подчёркивает значимость правовых вопросов, связанных с регулированием искусственного интеллекта, защитой данных и обеспечением подотчётности цифровых систем [9]. Для Казахстана это означает необходимость развивать механизмы оценки рисков, проверки алгоритмов и обжалования решений, затрагивающих права граждан.

Третья проблема связана с трансграничной передачей данных. Обучение и функционирование ИИ предполагают использование значительных массивов информации, в том числе персональных данных. Международное сотрудничество должно обеспечивать баланс между потребностями технологического развития и соблюдением требований законодательства о защите информации. При этом обмен данными должен осуществляться на законных основаниях, с соблюдением необходимых гарантий безопасности и конфиденциальности.

Четвёртая проблема заключается в обеспечении информационной безопасности. ИИ может применяться для обнаружения киберугроз и повышения устойчивости цифровой инфраструктуры, но одновременно использоваться для автоматизации кибератак, создания мошеннического контента и распространения дезинформации. В связи с этим необходимы развитие международного обмена информацией об угрозах, совершенствование механизмов реагирования на инциденты и подготовка специалистов в сфере цифровой безопасности.

Пятая проблема связана с цифровым неравенством. Государства обладают различными финансовыми, технологическими и кадровыми возможностями для разработки и внедрения ИИ. Если международное сотрудничество будет сосредоточено исключительно на интересах ведущих технологических держав, это может усилить зависимость развивающихся стран от иностранных платформ и инфраструктуры.

Для Казахстана данное обстоятельство обусловливает необходимость поддержки международных инициатив, направленных на расширение доступа к

знаниям, развитие национальных исследовательских центров и подготовку квалифицированных кадров. Важным условием остаётся сохранение способности государства самостоятельно определять правовые условия использования цифровых технологий при соблюдении международных обязательств.

Таким образом, эффективное международно-правовое сотрудничество должно охватывать одновременно вопросы ответственности, защиты прав человека, безопасности данных и сокращения технологического неравенства.

Говоря о перспективах международного сотрудничества Казахстана в сфере ИИ, стоит отметить, что они связаны прежде всего с необходимостью выработки комплексной политики, объединяющей правовые, экономические, научные и технологические меры.

Первым приоритетом является совершенствование национального законодательства с учётом международных стандартов. Целесообразно развивать риск-ориентированный подход, предусматривающий дифференциацию требований к системам ИИ в зависимости от характера и степени потенциального вреда. Особое внимание следует уделять применению ИИ в государственном управлении, правосудии, здравоохранении и иных социально значимых сферах.

Вторым направлением выступает развитие международного договорного сотрудничества. При подготовке двусторонних и многосторонних соглашений в области цифровых технологий целесообразно предусматривать положения о защите данных, информационной безопасности, интеллектуальной собственности, распределении ответственности и разрешении трансграничных споров.

Третьим направлением является укрепление регионального взаимодействия в Центральной Азии. Перспективными представляются обмен информацией о киберугрозах, разработка совместных образовательных программ, проведение научных конференций и формирование профессиональных экспертных сетей по вопросам цифрового права.

Четвёртым приоритетом должно стать развитие научно-образовательного сотрудничества. Университеты и исследовательские центры Казахстана могут расширять совместные проекты с зарубежными партнёрами по вопросам международного цифрового права, этики ИИ и правовой защиты цифровых данных. Подготовка специалистов, владеющих знаниями в области

международного права и информационных технологий, позволит повысить качество национальной правотворческой и правоприменительной деятельности.

Пятым направлением является участие в международном обсуждении механизмов контроля и оценки систем ИИ. Казахстану целесообразно изучать практику независимого аудита алгоритмов, оценки воздействия на права человека и обеспечения возможности человеческого пересмотра решений. При этом внедрение зарубежных подходов должно учитывать национальные правовые особенности и возможности государственных институтов.

Наконец, необходимо укреплять международное сотрудничество по вопросам предупреждения неправомерного использования ИИ. Это предполагает развитие профессионального взаимодействия между компетентными органами, совершенствование международной правовой помощи и обмен передовым опытом в сфере цифровой криминалистики.

Реализация указанных направлений позволит Казахстану не только адаптироваться к международным изменениям, но и участвовать в формировании региональных и глобальных подходов к ответственному использованию искусственного интеллекта.

Проведённое исследование показывает, что международно-правовое сотрудничество в сфере искусственного интеллекта становится необходимым условием обеспечения правовой определённости, защиты прав человека и устойчивого развития цифровой экономики. Трансграничный характер интеллектуальных систем обусловливает потребность в согласовании национальных правовых подходов, развитии международных механизмов ответственности и укреплении взаимодействия между государствами.

Современная международная нормативная база формируется на основе документов ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы и региональных правовых актов, включая Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте. Несмотря на различия их юридической природы и сферы действия, общим направлением выступает обеспечение безопасного, прозрачного и ответственного применения ИИ.

Для Республики Казахстан принятие специального Закона «Об искусственном интеллекте» создало важную основу национального регулирования. Вместе с тем дальнейшее развитие данной сферы требует совершенствования механизмов правоприменения, гармонизации

законодательства с международными стандартами и расширения сотрудничества с зарубежными партнёрами.

В качестве приоритетных мер предлагаются развитие регионального сотрудничества в Центральной Азии, совершенствование договорно-правовой базы трансграничного обмена данными, укрепление гарантий защиты прав человека, развитие международных научно-образовательных проектов и участие в выработке стандартов ответственного использования ИИ.

Таким образом, стратегическая задача Казахстана заключается в формировании сбалансированной модели международно-правового сотрудничества, обеспечивающей сочетание технологических инноваций, цифрового суверенитета, международной безопасности и соблюдения универсальных правовых принципов.

Список использованных источников

1. *Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте». Информационно-правовая система «Әділет».*
2. *Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. Pearson, 2021. http://lib.ysu.am/disciplines_bk/efdd4d1d4c2087fe1cbe03d9ced67f34.pdf*
3. *Организация Объединённых Наций. Пакт во имя будущего. Глобальный цифровой договор. Принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 22 сентября 2024 года. https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/pact-for-the-future-revisions*
4. *UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Adopted on 23 November 2021. Paris: UNESCO, 2022. https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics*
5. *Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law. CETS No. 225. Vilnius, 5 September 2024. https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence*
6. *Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng*

7. *Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите». (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.09.2026 г.) https://prg.kz/document/?doc_id=31396226*

8. *Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «О кибербезопасности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.08.2026 г.) https://prg.kz/document/?doc_id=33885902*

9. *Edwards L. Regulating AI in Europe: Four Problems and Four Solutions. Ada Lovelace Institute, 2022. https://www.adalovelaceinstitute.org/report/regulating-ai-in-europe/*

МРНТИ 10.41.01. https://doi.org/10.51889/1728-550X.2026.86.3.003

Naberezhnyev S.S.[1], Shonay A.A.[2]

[1] Master of Laws, Lecturer, Department of International Law, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

[2] Master of Laws, Lecturer, Department of International Law, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

HUMAN AUTHORSHIP AND COPYRIGHT PROTECTION IN THE AGE OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF KAZAKHSTAN, THE UNITED STATES AND THE EUROPEAN UNION

Abstract

The rapid development of generative artificial intelligence has made copyright protection dependent on distinctions that traditional doctrine did not need to articulate with the same precision: the status of human contributions to an output, the legal character of a prompt, and the permissibility of using existing works for model training. This article examines these questions through a comparative legal analysis of Kazakhstan, the United States and the European Union, with particular attention to Article 23 of Kazakhstan's Law on Artificial Intelligence of 17 November 2025. The methodology combines doctrinal interpretation, functional comparison of legal instruments and analysis of official guidance and judicial decisions. The research finds that the jurisdictions share an emphasis on human creativity in the protection of outputs but differ in their treatment of creative prompts, training-related uses and rightsholder

reservations. Kazakhstan expressly addresses both human contribution and machine-readable prohibitions on training; United States practice differentiates human-authored elements from autonomously generated content; European Union legislation combines text-and-data-mining rules with transparency and copyright-compliance obligations for general-purpose AI providers. The article proposes a three-part compliance framework covering proof of human creative choices, provenance of training material and interoperable recording of rights reservations. It argues that these questions must be assessed separately to avoid conflating copyright ownership in outputs with permission to use inputs.

Keywords: generative artificial intelligence; copyright; human authorship; creative contribution; prompts; text and data mining; machine-readable opt-out; Kazakhstan; European Union; United States.

С.С. Набережнев[1], А.А. Шонай[2]

[1] Заң ғылымдарының магистрі, Абай атындағы ҚазҰПУ Сорбонна–Қазақстан институты халықаралық құқық кафедрасының оқытушысы, Алматы, Қазақстан Республикасы

[2] Заң ғылымдарының магистрі, Абай атындағы ҚазҰПУ Сорбонна–Қазақстан институты халықаралық құқық кафедрасының оқытушысы, Алматы, Қазақстан Республикасы

ГЕНЕРАТИВТІ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ДӘУІРІНДЕГІ АДАМ АВТОРЛЫҒЫ ЖӘНЕ АВТОРЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫ ҚОРҒАУ: ҚАЗАҚСТАН, АҚШ ЖӘНЕ ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚТЫҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУЫ

Аңдатпа

Генеративті жасанды интеллектінің қарқынды дамуы авторлық құқық саласында бірнеше мәселені өзектендірді: адам шығармашылық үлесінің дәрежесін айқындау, мәтіндік сұраулардың құқықтық мәртебесін бағалау және бұрыннан бар туындыларды жасанды интеллект модельдерін оқыту үшін пайдаланудың заңдылығын анықтау. Мақалада осы мәселелер Қазақстан, Америка Құрама Штаттары және Еуропалық Одақ құқықтары тұрғысынан салыстырмалы түрде талданады. Негізгі назар Қазақстан Республикасының 2025 жылғы 17 қарашадағы «Жасанды интеллект туралы» Заңының 23-бабына аударылады. Зерттеуде формальды-құқықтық талдау, салыстырмалы-құқықтық әдіс және ресми құжаттар мен сот шешімдерін зерделеу қолданылды. Нәтижелер көрсеткендей, аталған құқықтық жүйелерде адамның шығармашылық еңбегінің маңызы ортақ қағида болғанымен, шығармашылық мәтіндік сұрауларды қорғау,

модельдерді оқыту және құқық иелерінің тыйым салу тәсілдері әртүрлі реттеледі. Қазақстан заңнамасы адамның шығармашылық үлесін және машина оқи алатын нысандағы тыйымды тікелей көздейді; АҚШ тәжірибесі адам жасаған элементтерді дербес генерацияланған мазмұннан ажыратады; ЕО заңнамасы мәтіндер мен деректерді талдау ережелерін ашықтық міндеттерімен ұштастырады. Мақалада авторлық үлесті тіркеу, оқыту деректерінің шығу тегін қадағалау және құқық иелерінің тыйымдарын белгілеу негізіндегі үш құрамдасты тәсіл ұсынылады.

Түйін сөздер: генеративті жасанды интеллект; авторлық құқық; авторлық; шығармашылық үлес; мәтіндік сұраулар; деректерді талдау; машина оқи алатын тыйым; Қазақстан; Еуропалық Одақ; АҚШ.

Набережнев С.С.[1], Шонай А.А.[2]

[1] Магистр юридических наук, преподаватель кафедры международного права Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая, Алматы, Республика Казахстан

[2] Магистр юридических наук, преподаватель кафедры международного права Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая, Алматы, Республика Казахстан

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ АВТОРСТВО И ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЗАХСТАНА, США И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация

Стремительное развитие генеративного искусственного интеллекта обострило три самостоятельных вопроса авторского права: установление творческого вклада человека в созданный результат, определение правового статуса текстового запроса и допустимость использования охраняемых произведений для обучения моделей. Статья посвящена сравнительному правовому анализу подходов Казахстана, США и Европейского союза с особым вниманием к статье 23 Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года. Методологическую основу составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также исследование нормативных актов, официальных разъяснений и судебной практики. Установлено, что указанные правопорядки признают значение человеческого творчества для охраны результата, однако различаются в

вопросах защиты творческих запросов, использования произведений при обучении моделей и фиксации запретов правообладателей. Законодательство Казахстана прямо предусматривает творческий вклад человека и запрет на обучение в машиночитаемой форме; практика США разграничивает авторские элементы и автономно сформированный контент; законодательство ЕС сочетает правила анализа текстов и данных с обязанностями поставщиков моделей по соблюдению авторского права и прозрачности. Предлагается трёхкомпонентный подход, объединяющий фиксацию творческих решений человека, документирование происхождения обучающих материалов и учёт правообладательских ограничений. Обосновывается необходимость раздельно оценивать охрану результата и законность использования исходных материалов.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; авторское право; авторство; творческий вклад; промпты; анализ текстов и данных; машиночитаемый запрет; Казахстан; Европейский союз; США.

The emergence of generative artificial intelligence (AI) has transformed the production of texts, illustrations, software, music and other expressive materials. A user can now obtain a plausible finished product by issuing an instruction to a model trained on large collections of data. The resulting work may appear indistinguishable from a conventional human creation, even though the process of generating its individual expressive elements differs substantially. For copyright law, the decisive question is therefore not whether technology participated in the creative process, but whether and to what extent protectable expression can be attributed to human choices. At the same time, the development of such systems requires access to pre-existing material that may itself be protected by copyright. These input and output questions are related in practice but legally distinct.

The Berne Convention establishes a broad international structure for protecting literary and artistic works and securing national treatment, while leaving domestic legal systems significant discretion over the interpretation of authorship and relevant exceptions [1]. The conventional copyright model assumes that an author makes creative choices, holds rights in the resulting expression and may control specified uses of that expression. Generative AI complicates each element of this sequence: a user directs the model without necessarily controlling the precise expressive details; the model provider selects and processes training material; a rightsholder may object to extraction of protected works; and a downstream user may publish an output that resembles material in the training corpus.

The problem is particularly important for Kazakhstan because its legal framework has changed substantially. The Law of the Republic of Kazakhstan ‘On Artificial Intelligence’ of 17 November 2025 No. 230-VIII contains a dedicated Article 23 on copyright [3]. It provides a basis for evaluating human creative contributions, protecting qualifying textual prompts and determining whether model training may proceed in the absence of a machine-readable prohibition. These provisions invite comparison with the United States, where the Copyright Office and courts have clarified human-authorship requirements, and the European Union, where text-and-data-mining exceptions are combined with copyright compliance and transparency duties under the AI Act [4–9]. An overview by the Library of Congress also identifies human creative input and machine-readable prohibitions as central elements of Kazakhstan’s reform [10].

The aim of the study is to identify the legal conditions under which generative AI may be used in the creation of copyright-protected works, and to develop a coherent framework for evaluating rights in AI-related production and model training. Three questions guide the analysis: which human actions may amount to authorship; how should law distinguish rights in a prompt from rights in a generated output; and under what conditions may copyrighted inputs be used to train models? The object of the study is the legal relationship arising between authors, rightsholders, developers and users of generative AI systems. Its subject is the normative regulation of copyright eligibility, lawful training and rights-management obligations.

The research applies a doctrinal and comparative methodology. Primary materials include the Berne Convention, Kazakhstan’s Copyright Law of 10 June 1996 and Law on Artificial Intelligence of 2025, the U.S. Copyright Office’s reports on AI copyrightability and training, the U.S. appellate judgment in Thaler v. Perlmutter, Directive (EU) 2019/790 and Regulation (EU) 2024/1689 [1–9]. The comparative method is functional rather than purely terminological: each jurisdiction is examined according to the specific problem that its rules seek to resolve. Official institutional explanations are used to clarify regulatory practice, but are distinguished from binding legal provisions and judgments. The study is confined to documentary sources available as of 27 October 2026; it does not report interviews, technical experiments or empirical surveys.

A useful starting point is to separate the process of generative AI into three stages. The first is the input stage, at which existing text, images and other data may be collected, copied, converted or analysed for model training. The second is the

interaction stage, involving human prompts, iterative selection of generated versions and possible editing. The third is the output stage, when content is published, licensed, incorporated into another work or otherwise exploited. These stages should not be treated as one undifferentiated act of 'AI creation'. A lawful use at the training stage cannot automatically establish copyright protection for the resulting output; similarly, a protectable human-authored passage incorporated in an output does not retrospectively authorize the use of a third party's work in training.

Under Kazakhstan's Copyright Law, an author is a natural person whose creative work produces a protected literary, scientific or artistic expression [2]. Copyright arises from creation, rather than mandatory registration, while the distinction between a protected form of expression and an unprotected idea remains fundamental. Article 23(1) of the 2025 Law on Artificial Intelligence develops this approach by stipulating that works created with the use of AI systems receive copyright protection only where a human creative contribution is present [3]. The rule does not equate the presence of a human user with authorship. It requires an assessment of what creative decisions that person actually contributed to the output.

It follows, in the authors' interpretation, that three situations should be distinguished. In the first, a human prepares an original text and uses AI solely for spelling suggestions, translation assistance or routine correction. The pre-existing human expression remains the relevant subject of copyright, although any third-party interests in translated or incorporated material must still be considered. In the second, a human combines AI-generated fragments with original writing, editing, sequencing or composition. Copyright may attach to the qualifying human-authored elements and to sufficiently creative selection or arrangement; the degree of protection depends on the contribution established in the specific work. In the third, an individual enters a broad instruction and accepts the result without meaningful control over its expressive features. Describing that individual as the copyright author of every generated detail would overstate the creative contribution and undermine the distinction established by Article 23(1).

An additional feature of Kazakhstan's law is Article 23(2), under which textual prompts sent to AI systems may themselves qualify as copyright objects where they result from intellectual creative activity [3]. This provision deserves careful interpretation. A prompt can be a linguistic work with original expressive elements, particularly when it includes an elaborate fictional narrative, distinctive literary composition or other original text. However, protection of such a prompt does not

logically entail ownership of every independent output that a model may produce in response to it. The relevant rights attach to the expression of the prompt, while the output requires a separate assessment of the user's contribution. The mere fact that a complex prompt triggers computation cannot replace the legal test for authorship in the final work.

This distinction is also important for educational institutions, marketing agencies and publishers. A teaching assignment might involve students producing their own outlines and using AI to draft examples. An academic journal might receive a manuscript edited with language tools. A design agency might iteratively instruct a model and then substantially redraw its images. These settings cannot be evaluated by the single question 'Was AI used?' A more accurate inquiry examines whether the person selected the message, composition and expressive elements in the final product, and whether that human contribution can be identified independently of automatically generated material.

The United States offers a comparable but not identical approach. In January 2025, the U.S. Copyright Office issued Part 2 of its report Copyright and Artificial Intelligence, focusing on the copyrightability of outputs [4]. The Office concluded that the assistance of AI does not disqualify a human-authored work and that copyright may extend to perceptible human expression, creative modifications and original selection, coordination or arrangement. It also concluded that prompts alone, with the functioning of generally available systems considered in the report, ordinarily do not provide the human control needed to claim authorship in a generated output. The Office's position concerns the copyrightability of the output, not a universal denial that an independently original prompt could be protected as text.

Judicial interpretation in the United States reinforced the principle in Thaler v. Perlmutter. On 18 March 2025, the U.S. Court of Appeals for the District of Columbia Circuit affirmed the refusal to register an image for which an AI system had been identified as the sole author [5]. The court held that an AI machine cannot be recognized as the author of a copyrighted work under the relevant United States legislation. Importantly, the appeal presented a narrowly framed case concerning machine-only authorship. It did not decide all possible claims concerning works created through substantive human guidance, revision or collaboration with technological tools. On 2 March 2026, the U.S. Supreme Court declined to review the dispute, leaving the appellate judgment undisturbed but not transforming the denial of review into a new substantive ruling [6].

Comparing the United States with Kazakhstan reveals an important point of convergence: neither approach supports an automatic transfer of full copyright authorship to a machine or to the person who merely operates it. Both examine the role of human creativity. A difference appears in legislative formulation. Kazakhstan has expressly addressed the possibility that creative prompts are protected works, whereas the United States report primarily explains why issuing prompts does not, by itself, demonstrate sufficient authorship of output. These propositions are compatible because they answer different questions. A legally precise analysis must separately identify the prompt, the original elements inserted or modified by a person, and the generated content that remains outside the person's demonstrated contribution.

The next question concerns the materials used to train generative systems. Unlike the creation of an output, training may involve large-scale operations on existing protected works. The United States has not adopted one general statutory rule that makes every such operation lawful. Instead, the U.S. Copyright Office's May 2025 pre-publication Part 3 report analyses stages of copying and the potential application of fair use, while discussing licensing solutions [7]. Its analysis does not determine the outcome of specific litigation and should not be presented as if all training on copyrighted data were either automatically permitted or uniformly prohibited. Purpose, the character of the material, the amount used and possible market effects require context-specific examination within the relevant U.S. legal framework.

The European Union has developed a more explicit statutory approach to text and data mining. Article 3 of Directive (EU) 2019/790 requires an exception for eligible research organisations and cultural heritage institutions conducting scientific research on works to which they have lawful access [8]. Article 4 introduces a broader text-and-data-mining exception for lawfully accessible works, subject to an appropriate express reservation of rights by the rightsholder. For publicly available online content, machine-readable means are expressly identified as an example of a suitable form of reservation. Article 4 does not erase the distinct research provision in Article 3. These different scopes matter: a non-commercial research project and a commercial model-development pipeline may operate under different conditions.

The European Union AI Act adds obligations concerning the behaviour of providers of general-purpose AI models, rather than conferring authorship on such models. Article 53(1)(c) requires providers to adopt a policy for compliance with European Union copyright and related-rights law, particularly the identification and observance of rightsholders' reservations under Article 4(3) of Directive (EU)

2019/790 [9]. Article 53(1)(d) requires a sufficiently detailed public summary of the content used for training according to a template set by the AI Office. These obligations aim to improve accountability across the model supply chain. A training-data summary, however, should not be confused with a title deed to the works listed or an individualized adjudication of every rightsholder's claim.

Article 23(3)–(5) of Kazakhstan's Law on Artificial Intelligence addresses analogous issues through its own wording [3]. Paragraph 3 expressly provides that use of works for model training is not treated as free use under educational or scientific exceptions in Kazakhstan's copyright law. Paragraph 4 states that use for model training does not amount to use of works in forms relating to the author's personal and exclusive economic rights, including the enumerated acts. Paragraph 5 permits such training use only in the absence of a prohibition issued by the author or rightsholder in machine-readable form. These provisions create an identifiable legal architecture for training and opt-outs. Their application must be read together, rather than inferring from any isolated clause that every act of obtaining copyrighted material becomes automatically lawful.

An interpretive tension nevertheless requires clarification. Paragraph 3 excludes reliance on educational or scientific free-use provisions, while paragraph 4 draws a specific distinction between training and conventional exclusive-right uses. Paragraph 5 then places legal importance on an identifiable machine-readable prohibition. The interaction raises practical questions: what counts as a sufficiently unambiguous reservation; how a provider should respond if reservations change during dataset collection; whether a technical measure also gives adequate notice; and how a rightsholder can demonstrate that prohibited material was incorporated after notice. The statute recognizes machine-readable restrictions, but successful implementation also depends on reliable administrative and technical procedures. These are matters for further regulatory interpretation, not a basis to declare the legislation internally invalid.

A comparative overview is presented in Table 1. It illustrates why treating 'copyright and AI' as a single issue obscures significant regulatory differences. The table concerns relevant legal approaches as of October 2026 and does not claim that judicial interpretation or implementation is complete in any jurisdiction.

Table 1. Comparative treatment of AI-related copyright questions

Issue	Kazakhstan	United States	European Union
Protection of output	Creative human contribution is required (AI Law, Art. 23(1)).	Human expressive authorship is required; AI assistance is compatible with protection.	Copyright eligibility follows the applicable authorship and originality rules; AI Act does not assign authorship.
Text prompts	Qualifying creative text prompts may themselves be protected (Art. 23(2)).	Prompting alone does not normally establish authorship of generated output.	No general AI Act rule assigning copyright in prompts or their outputs.
Training use	Art. 23(3)–(5) establishes specific treatment of training and machine-readable prohibitions.	Fair-use and licensing questions require contextual assessment.	Directive 2019/790, Arts. 3–4, provides distinct TDM exceptions; Art. 4 permits opt-out.
Provider duties	Effectiveness depends on implementation of machine-readable reservations.	Copyright law and evolving institutional guidance govern relevant disputes.	AI Act, Art. 53, requires copyright-compliance policy and training-content summary.

Source: compiled by the authors from the legal instruments and institutional materials cited in [2–9].

A hypothetical cross-border publication illustrates the separation of these legal questions. Consider a researcher based in Kazakhstan who prepares a substantial original analysis, uses a European AI service to improve phrasing and publishes the finished text through a platform accessible in the United States. The researcher may possess copyright in the original analysis even though some automatically suggested phrases are not independently attributable to human expression. The European provider's obligations regarding training-data sources remain an issue for that provider under applicable law. A third party's later unauthorized reproduction of the author's protected paragraphs would raise yet another copyright question. The place of the user,

provider or server alone cannot decide all of these issues. Relevant territorial legislation, the acts complained of and any binding agreements would need individual assessment.

The difference between similarity and copying deserves equal attention. Generative systems may produce works that resemble existing styles, themes or genres without reproducing protected expressive features. Copyright generally protects original expression rather than abstract ideas or styles as such [1, 2]. Conversely, an output that reproduces a sufficiently distinctive portion of a protected work may raise infringement concerns even if the user did not intentionally seek duplication. A legal assessment requires identification of the allegedly protected elements, the relevant act of exploitation, and applicable exceptions or licenses. The mere existence of AI involvement is neither conclusive proof of infringement nor an automatic defense. For authors, this suggests maintaining ordinary editorial checks for quotations and substantive similarities alongside any technical AI-detection methods.

Finally, a functional comparison must distinguish the legal status of binding rules from recommendations, institutional reports and scholarly proposals. The U.S. Copyright Office reports provide detailed and influential interpretations, yet they are not congressional enactments; their discussion of fair use does not predetermine court outcomes in training disputes [4, 7]. The EU AI Act is binding legislation, but its obligations to adopt a copyright policy and publish a training-content summary do not eliminate the need to apply substantive copyright exceptions and contractual rights [8, 9]. Kazakhstan's Article 23 supplies specific rules but requires practical coordination with existing copyright legislation and implementation mechanisms [2, 3]. Recognizing these differences prevents comparisons from giving identical legal weight to fundamentally different instruments.

The comparison demonstrates that output eligibility, prompt rights and training permissions must be placed in distinct legal categories. A model developer who observes a machine-readable reservation may still generate material whose ownership is uncertain. Conversely, a user may create an original arrangement of machine-generated elements while using a model whose training practices remain disputed. A copyright decision concerning one layer does not dispose of the other. This conclusion applies to individual creators and also to universities, publishers and public agencies that commission or circulate AI-assisted materials.

The first challenge of practical application is evidentiary. When a person claims copyright in a work produced with technological assistance, proof of the human

contribution may be more important than the mere disclosure that AI was used. A credible record may include independently drafted text, revision history, dated sketches, version comparisons, editor comments and other documentation of expressive decisions. Neither the Kazakhstan statute nor the United States materials require that every creator keep a particular technical log for all purposes; nevertheless, such records may assist in demonstrating which elements resulted from intellectual creative labour. A simple archive of prompts, without records of substantive editing or creative direction, may be insufficient to establish ownership of the entire result.

The second challenge is the allocation of responsibilities across the development chain. The rightsholder, dataset aggregator, model developer, downstream distributor and end user frequently operate in different legal environments. Territorial copyright rules and contractual terms can therefore interact with the location of data collection, model deployment and publication. An AI provider may possess a lawful license for some materials but lack information about others. A user may have authority to publish a particular output without acquiring rights to the underlying model or its training corpus. These uncertainties support the use of explicit contractual terms and auditable records; they do not justify assigning every risk automatically to the first person who publishes an output.

The third challenge is the operational meaning of an opt-out. Machine-readable reservations may take different technical forms, and their effect depends on discoverability and consistent processing. A system capable of recognizing a reservation should also be capable of recording when it was discovered and which dataset version was affected. Rightsholders, in turn, benefit from transparent and stable expressions of their preferences. Because Kazakhstan’s legislation expressly links training permission to the absence of a machine-readable prohibition, implementation guidance should explain acceptable notice formats, processes for updating reservations and methods of resolving conflicts between a website’s statement, a contractual license and a technical signal. These proposals concern implementation and should not be represented as procedures already prescribed by Article 23 itself.

A fourth challenge concerns academic publishing. Copyright eligibility and research integrity are overlapping but separate issues. A paragraph may be legally protectable because it contains human intellectual creativity, yet its publication may still require accurate citations and disclosure of relevant editorial assistance. Conversely, a legitimate use of a language model to improve grammar is not equivalent to handing over responsibility for legal arguments, sources or conclusions. Journal

editors and researchers should therefore distinguish attribution of copyright authorship, acknowledgement of technological assistance and accountability for factual accuracy. Listing a researcher as a co-author is appropriate only where that individual has made and approved a genuine scholarly contribution under the publication's authorship rules.

To address these problems, the article proposes a three-layer framework of contribution, provenance and permission. The contribution layer identifies the human decisions that shaped expressive features of the finished work. It calls for a short description of original drafting, selection, editing and final approval, with supporting records proportionate to the nature of the project. The provenance layer identifies the sources and legal status of materials used for model development or for direct incorporation into outputs. It recommends keeping dataset inventories and version information, distinguishing licensed, openly available and disputed sources where data are available. The permission layer captures rights reservations and authorizations associated with particular uses, including machine-readable opt-outs and contractual licenses. Each layer addresses a separate question: who created protectable expression, where materials came from, and which uses were authorized.

Applied to Kazakhstan, this model would provide administrative clarity without abandoning the human-centred approach of Article 23. At the output stage, the contribution record would help courts and editors assess whether the threshold of intellectual creative activity has been crossed. At the training stage, provenance records would help developers identify relevant rightsholders and evaluate restrictions. At the permission stage, machine-readable reservations could be documented with timestamps and associated dataset versions. Model providers operating across borders would benefit from interoperable standards for processing reservations consistent with Kazakhstan's law and the European Union's text-and-data-mining framework. The approach is not offered as a substitute for binding legislation or a complete answer to cross-border jurisdictional conflicts; it is an operational structure for organizing decisions required under existing rules.

Several legislative and institutional recommendations follow. First, Kazakhstan's competent authorities could clarify by subordinate guidance how a machine-readable prohibition under Article 23(5) should be expressed, detected, recorded and updated, ensuring that the mechanism remains accessible to individual creators and small cultural institutions. Second, model developers and content platforms should be encouraged to separate information about source material, training practices and the authorship status of published outputs. Third, copyright-related education for

universities, journalists and creative professionals should explain that a protectable prompt and a protectable output are not interchangeable legal objects. Fourth, publication contracts may specify the responsibilities of parties for accurate disclosure of human work and for respecting licenses and reservations in materials supplied to a project.

Fifth, international coordination should avoid reducing the policy choice to a binary opposition between unrestricted AI training and complete prohibition. The Berne framework accommodates national differences, and the EU and Kazakhstan already recognize meaningful distinctions between eligible uses and rights reservations [1, 3, 8]. Responsible harmonization may instead focus on reliable notice mechanisms, recordkeeping practices, licensing solutions where needed, and procedural safeguards that respect creators while allowing socially valuable research and innovation. Any such approach should preserve the ability of the law to protect human expression without creating unsupported assumptions that either models or their users hold comprehensive rights in everything generated.

The results of this doctrinal comparison support five conclusions. First, human intellectual creativity remains the most defensible foundation of copyright authorship in AI-assisted works. Kazakhstan's Article 23(1), American institutional guidance and the Thaler decision converge on the need to identify a human creative contribution, although they use different legal instruments [3–5]. Second, the independent protection of a sufficiently creative prompt does not confer automatic authorship in the model's output. Third, the lawful use of copyright-protected material for training is a separate issue that cannot be resolved through output authorship alone. Fourth, machine-readable reservations and transparent compliance processes are emerging as central tools, particularly in Kazakhstan and the European Union. Fifth, documentation of contribution, provenance and permission can improve legal certainty without equating technical assistance with machine authorship.

The proposed framework has limits. It rests on normative texts, judicial materials and published administrative guidance, rather than observation of how courts and regulators will apply Kazakhstan's new legislation over time. Machine-readable opt-outs may also present technical and enforcement difficulties not resolved by legal drafting alone. Future research should analyse case law applying Article 23, compare the effectiveness of different reservation formats and examine contractual practices among local publishers, universities and AI developers. Such empirical inquiry could

test whether the framework supports authors' interests and legal predictability while preserving the potential of responsible technological development.

References

1. *World Intellectual Property Organization. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (1886, as revised). Official treaty page. URL: https://www.wipo.int/en/web/treaties/ip/berne/index (accessed 27 October 2026).*
2. *Republic of Kazakhstan. Law No. 6-I of 10 June 1996 'On Copyright and Related Rights' (as amended). Adilet Legal Information System. URL: https://www.adilet.zan.kz/rus/docs/Z960000006_ (accessed 27 October 2026).*
3. *Republic of Kazakhstan. Law No. 230-VIII of 17 November 2025 'On Artificial Intelligence', Article 23 (as amended). Adilet Legal Information System, unofficial English translation. URL: https://old.adilet.zan.kz/eng/docs/Z2500000230 (accessed 27 October 2026).*
4. *United States Copyright Office. Copyright and Artificial Intelligence, Part 2: Copyrightability. Washington, D.C., 29 January 2025. URL: https://www.copyright.gov/ai/Copyright-and-Artificial-Intelligence-Part-2-Copyrightability-Report.pdf (accessed 27 October 2026).*
5. *Thaler v. Perlmutter, No. 23-5233, United States Court of Appeals for the District of Columbia Circuit, 18 March 2025. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cadc/23-5233/23-5233-2025-03-18.html (accessed 27 October 2026).*
6. *Reuters. 'US Supreme Court declines to hear dispute over copyrights for AI-generated material.' 2 March 2026. URL: https://www.reuters.com/legal/government/us-supreme-court-declines-hear-dispute-over-copyrights-ai-generated-material-2026-03-02/ (accessed 27 October 2026).*
7. *United States Copyright Office. Copyright and Artificial Intelligence, Part 3: Generative AI Training (Pre-Publication Version). Washington, D.C., 9 May 2025. URL: https://www.copyright.gov/ai/ (accessed 27 October 2026).*
8. *European Parliament and Council. Directive (EU) 2019/790 of 17 April 2019 on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market, Articles 3–4. EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj (accessed 27 October 2026).*
9. *European Parliament and Council. Regulation (EU) 2024/1689 of 13 June 2024 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence, Article 53*

(consolidated text). EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689 (accessed 27 October 2026).

10. Library of Congress. 'Kazakhstan: New Law Introduces Rules for AI Systems Operating in the Country.' Global Legal Monitor, 12 January 2026. URL: https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2026-01-12/kazakhstan-new-law-introduces-rules-for-ai-systems-operating-in-the-country/ (accessed 27 October 2026).

МРНТИ 10.07.01 https://doi.org/10.51889/1728-550X.2026.86.3.005

Сылкина С.М.
кандидат юридических наук, старший преподаватель Института Сорбонна-Казахстан КазНПУ им. Абая

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННОЙ И ДОСТУПНОЙ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация

В статье проводится системный международно-правовой анализ регулирования стоматологической помощи в Республике Казахстан. Посредством сравнительно-правового метода исследования выявляются коллизии между действующим национальным законодательством и международными обязательствами Казахстана в сфере охраны здоровья населения. Детально рассматриваются положения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Замечания общего порядка № 14 Комитета ООН по ЭСКП, Глобального плана действий ВОЗ по здоровью полости рта на 2023–2030 годы, документа FDI Vision 2030, Лиссабонской декларации о правах пациента и Конвенции Овьедо. Обосновывается вывод о ретрогрессивном характере ряда новелл Приказа Министра здравоохранения РК № 31 от 2023 года применительно к сельским районам. Предлагается комплекс мер по гармонизации казахстанского законодательства с международными стандартами качества и доступности стоматологической помощи.

Ключевые слова: стоматологическое право, международные стандарты здравоохранения, права пациента, доступность медицинской помощи, Казахстан, информированное согласие, профессиональная ответственность, ВОЗ, FDI, МПЭСКП.

С.М. Сылкина

з.ғ.к., Сорбонна-Қазақстан институтының аға оқытушысы, Абай атындағы ҚазҰПУ

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА САПАЛЫ ЖӘНЕ ҚОЛЖЕТІМДІ СТОМАТОЛОГИЯЛЫҚ КӨМЕКТІ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасында стоматологиялық көмекті реттеудің жүйелік халықаралық-құқықтық талдауы жүргізіледі. Салыстырмалы-құқықтық зерттеу негізінде ұлттық заңнама мен Қазақстанның халықаралық міндеттемелері арасындағы қайшылықтар анықталады. МПЭСКП, ДДҰ-ның Жаһандық ауыз қуысы денсаулығы жоспарының 2023–2030, FDI Vision 2030, Лиссабондық пациенттер құқықтары декларациясы мен Овьедо конвенциясының ережелері талданады. ҚР ДСМ № 31 бұйрығының кейбір жаңашылдықтарының ауыл аудандарына қатысты регрессивті сипаты негізделген. Қазақстан заңнамасын халықаралық стоматология стандарттарымен үйлестіру бойынша шаралар кешені ұсынылады.

Түйін сөздер: стоматологиялық құқық, халықаралық денсаулық сақтау стандарттары, пациенттің құқықтары, медициналық көмектің қолжетімділігі, Қазақстан, ақпараттандырылған келісім, кәсіби жауапкершілік.

Sylkina S.M.

Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer, Sorbonne-Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF ENSURING QUALITY AND ACCESSIBLE DENTAL CARE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

The article presents a systemic international legal analysis of dental care regulation in the Republic of Kazakhstan. Through comparative legal research, conflicts between domestic legislation and Kazakhstan's international health obligations are identified. The study examines the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, General Comment No. 14 of the UN Committee on ESCR, the WHO Global Oral Health Action Plan 2023–2030, FDI Vision 2030, the Lisbon Declaration on the Rights of the Patient, and the Oviedo Convention. The

retrogresssive character of certain provisions of Order No. 31 of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan (2023) regarding rural areas is substantiated. A set of measures for harmonizing Kazakhstani legislation with international dental health standards is proposed.

Keywords: dental law, international health standards, patient rights, accessibility of medical care, Kazakhstan, informed consent, professional liability, WHO, FDI, ICESCR.

Стоматологическая помощь занимает особое место в системе права на охрану здоровья: с одной стороны, она затрагивает каждого человека на протяжении всей жизни, с другой — в большинстве постсоветских государств исторически отнесена к категории преимущественно платных услуг, что неизбежно порождает проблему доступности. Казахстан в данном отношении не является исключением. Декларируя приверженность международным стандартам здравоохранения, государство тем не менее воспроизводит в своём законодательстве противоречия, которые затрудняют реальное осуществление права граждан на стоматологическую помощь надлежащего качества.

Международно-правовое измерение данной проблемы определяется прежде всего ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [1], ратифицированного Казахстаном, а также обширным массивом рекомендательных документов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Всемирной стоматологической федерации (FDI). Вместе с тем в отечественной правовой науке комплексного исследования, посвящённого выявлению конкретных коллизий между этим корпусом международных норм и действующим казахстанским законодательством о стоматологической помощи, до настоящего времени проведено не было. Настоящая работа призвана восполнить указанный пробел.

Актуальность исследования обусловлена принятием в 2023 году Приказа Министра здравоохранения РК № 31 [2], существенно ужесточившего квалификационные требования к специалистам, что повлекло обострение противоречия между качеством услуг и их территориальной доступностью, — противоречия, уже неоднократно фиксировавшегося органами ООН применительно к государствам с дефицитом медицинских кадров в сельской местности. Цель статьи — на основе сравнительно-правового анализа выявить природу этих коллизий и предложить конкретные меры по их устранению.

Отправной точкой международно-правового регулирования в данной области служит ст. 12 МПЭСКП, признающая право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья [1]. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам в Замечании общего порядка № 14 (2000) раскрыл нормативное содержание этого права через четыре взаимосвязанных критерия: наличие (availability), доступность (accessibility), приемлемость (acceptability) и качество (quality) медицинских учреждений и услуг [3]. Каждый из них непосредственно применим к стоматологической помощи: «наличие» означает достаточное число специалистов и оборудованных кабинетов; «доступность» охватывает физическую досягаемость и экономическую приемлемость; «приемлемость» требует учёта культурных особенностей населения; «качество» предполагает соответствие помощи научно обоснованным стандартам.

Особо значимым для практики является запрет ретрогрессии: Комитет ООН последовательно указывает, что государство-участник не вправе снижать уже достигнутый уровень реализации права на здоровье без надлежащего обоснования и компенсирующих мер [3]. Это положение имеет прямое значение для оценки последствий Приказа № 31, о чём подробнее будет сказано ниже.

В рамках системы ВОЗ ключевым специализированным документом выступает Глобальный план действий по здоровью полости рта на 2023–2030 годы, принятый на основании резолюции WHA74.5 74-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения [4, 5]. Документ закрепляет три стратегических приоритета: интеграцию стоматологии в системы первичной медико-санитарной помощи (ПМСП); переориентацию государственного финансирования с лечения на профилактику; обеспечение всеобщего охвата медицинскими услугами (Universal Health Coverage (UHC) в части стоматологии. При этом особо подчёркивается, что концентрация специалистов в городских центрах и коммерциализация сектора являются структурными барьерами, препятствующими достижению целей устойчивого развития.

Всемирная стоматологическая федерация в документе FDI Vision 2030 [6] разработала концепцию многоуровневой системы стоматологических кадров. Наряду с врачами-стоматологами с высшим образованием предусматривается институт вспомогательного персонала — дентальных гигиенистов, терапевтов, техников, — правомочных выполнять строго ограниченный перечень манипуляций под врачебным надзором или по направлению врача. Данная модель признаётся оптимальным механизмом обеспечения доступности помощи

в условиях кадрового дефицита и неравномерного географического распределения специалистов.

В области прав пациента основополагающее значение сохраняет Лиссабонская декларация о правах пациента 1981 года в редакции 2005 года [7], провозгласившая принципы свободного выбора врача, получения полной информации о состоянии здоровья и предполагаемом лечении, а также право на самоопределение при принятии медицинских решений. Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция Овьедо 1997 г.) [8] дополняет эти гарантии обязательством обеспечивать свободное, информированное и предварительное согласие пациента на любое медицинское вмешательство. Хотя Казахстан не является участником Конвенции Овьедо, её положения составляют общепризнанные стандарты медицинского права, выступая ориентиром при совершенствовании национального законодательства, что признаётся в доктрине [9].

Коллизия первая заключается в квалификационных требованиях и доступной помощи. Конституция Республики Казахстан в ст. 29 гарантирует право граждан на охрану здоровья [10]. Кодекс «О здоровье народа и системе здравоохранения» [11] конкретизирует это право применительно к условиям получения медицинской помощи. Вместе с тем Приказ № 31 от 24 февраля 2023 года [2], устанавливая обязательность высшего медицинского образования для самостоятельного ведения стоматологической практики, без предусмотренных переходных положений фактически исключил из сферы легальной деятельности значительную часть «зубных врачей» со средним специальным образованием. Именно эта категория специалистов на протяжении десятилетий обеспечивала базовую стоматологическую помощь населению отдалённых районов. Ведь мы прекрасно понимаем, что высококвалифицированный врач стоматолог не поедет в отдаленные сельские районы. Здесь прежде всего речь идет о разработке правовых профессиональных стандартов, именно для стоматологов со средним специальным образованием на национальном уровне.

С международно-правовой точки зрения такая ситуация представляет собой ретрогрессивную меру: государство сокращает фактический уровень доступности медицинской помощи по сравнению с ранее достигнутым. Согласно позиции Комитета по ЭСКП [3], бремя доказывания обоснованности подобного шага возлагается на государство. Между тем никаких переходных программ переподготовки, программ дистанционного лицензирования или временных

исключений для сельских районов принятым приказом предусмотрено не было. Концепция FDI Vision 2030 [6], напротив, прямо рекомендует сохранять многоуровневую систему кадров, что позволяет одновременно повышать качество и поддерживать доступность помощи. Отечественная доктрина также указывает на недопустимость ограничительного регулирования без механизмов компенсации [12].

Коллизия вторая характеризует проблемные аспекты информированного согласия. Кодекс «О здоровье народа» [11] содержит норму об обязательном информировании пациента перед медицинским вмешательством. Однако ни подзаконные акты, ни сложившаяся правоприменительная практика не обеспечивают содержательного наполнения данной нормы. В реальных условиях пациенты подписывают типовые бланки нередко без разъяснения альтернативных методов лечения, возможных осложнений и прогнозируемых результатов. Это расходится с требованиями Лиссабонской декларации [7] и Конвенции Овьедо [8], трактующих информированное согласие не как формальный документооборот, а как осознанный, добровольный и верифицированный выбор пациента. В медико-правовой доктрине подчёркивается, что юридическая действительность согласия определяется не фактом подписания документа, а реальным пониманием пациентом существа предстоящей процедуры [13].

Коллизия третья выявляет проблему профессиональной ответственности и отсутствие специализированных стандартов. Статья 317 Уголовного кодекса РК [14] и соответствующие нормы Гражданского кодекса [15] не содержат специальных критериев оценки действий стоматолога. Общие формулировки «ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей» не учитывают специфику отдельных стоматологических дисциплин — ортопедии, имплантологии, ортодонтии, — в которых конечный результат несёт существенный эстетический компонент с высоким уровнем субъективной оценки. В ряде государств данная проблема решается путём разработки детальных клинических протоколов и руководств профессиональных ассоциаций, служащих объективным эталоном при рассмотрении споров [16]. В Казахстане подобные протоколы либо отсутствуют по отдельным специальностям, либо не имплементированы в правовую систему в качестве нормативных ориентиров. Исследователи справедливо указывают на необходимость законодательного разграничения врачебной ошибки, небрежности и неблагоприятного исхода, не зависящего от действий врача [17].

Коллизия четвёртая заключается в институциональной недостаточности защиты прав пациентов. Механизмы рассмотрения жалоб, предусмотренные действующим законодательством [11], носят преимущественно ведомственный характер: жалобы рассматриваются структурами, организационно входящими в систему здравоохранения, что создаёт конфликт интересов и снижает доверие населения к результатам рассмотрения. Глобальный план действий ВОЗ [4] и принципы Лиссабонской декларации [7] ориентируют государства на создание независимых, прозрачных и ориентированных на пациента систем контроля качества с активным участием профессиональных ассоциаций и гражданского общества. В доктрине подчёркивается, что независимость экспертизы является необходимым условием объективности оценки качества медицинской помощи [18].

Проведённый анализ позволяет констатировать, что правовая система Казахстана в сфере стоматологической помощи содержит устойчивые коллизии с нормами международного права, носящие не декларативный, а функциональный характер: они непосредственно влияют на реализацию конституционного права граждан на охрану здоровья. Для их устранения представляется необходимым реализовать следующий комплекс мер.

Во-первых, Приказ № 31 от 2023 года [2] требует дополнения нормами, допускающими оказание базовой стоматологической помощи специалистами среднего звена в сельских и отдалённых районах в рамках законодательно ограниченного перечня компетенций, при условии регулярного подтверждения квалификации и внедрения системы дистанционной супервизии. Данная модель соответствует рекомендациям FDI Vision 2030 [6] и позволяет снять противоречие между повышением качества и обеспечением доступности, устраняя ретрогрессию, несовместимую с обязательствами Казахстана по МПЭСКП [1] и позицией Комитета по ЭСКП [3].

Во-вторых, необходима разработка подзаконных актов, конкретизирующих процедуру информированного согласия в соответствии с принципами Лиссабонской декларации [7] и Конвенции Овьедо [8]: обязательное письменное изложение альтернативных методов лечения, рисков и последствий отказа; при необходимости аудиофиксация разъяснений с согласия пациента; специальные протоколы верификации понимания для лиц из уязвимых групп населения.

В-третьих, разработка национальных клинических протоколов по всем основным специальностям стоматологии в соответствии с доказательной базой и рекомендациями ВОЗ [4, 5] и FDI [6] создаст объективный стандарт для оценки

качества помощи при урегулировании правовых споров, восполнив пробел действующих кодексов [14, 15]. Регулярное обновление протоколов с учётом последних достижений мировой стоматологической науки должно быть законодательно закреплено как обязанность компетентных органов.

В-четвёртых, создание независимого органа защиты прав пациентов уполномоченного по правам пациентов или специализированной квазисудебной комиссии с участием профессиональных ассоциаций и гражданского общества обеспечит прозрачность и независимость рассмотрения споров, что соответствует международным рекомендациям [4, 7] и стандартам ст. 12 МПЭСКП [1].

В-пятых, расширение перечня стоматологических услуг в рамках ГОБМП и ОСМС с акцентом на профилактические мероприятия отвечает задачам Глобального плана действий ВОЗ [4, 5] по всеобщему охвату медицинской помощью и снизит финансовую нагрузку на социально незащищённые слои населения, как обязательство, прямо вытекающее из ст. 12 МПЭСКП [1] и Замечания общего порядка № 14 [3].

Реализация предложенных мер позволит последовательно привести казахстанское законодательство в сфере стоматологии в соответствие с принятыми международными обязательствами, сформировать сбалансированную правовую среду, гарантирующую права пациентов, и создать предсказуемые условия профессиональной деятельности для медицинских работников.

Список использованных источников

1. *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2200 А (XXI) от 16 декабря 1966 г. // UN Treaty Series. – Vol. 993. – P. 3. Ст. 12. [Электронный ресурс]: URL: https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights.*
2. *Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 24 февраля 2023 года № 31 «Об утверждении стандарта организации оказания стоматологической помощи в Республике Казахстан». [Электронный ресурс]: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032183.*
3. *Комитет ООН по ЭСКП. Замечание общего порядка № 14 «Право на наивысший достижимый уровень здоровья» (статья 12 МПЭСКП):*

принято на 22-й сессии, 2000 г. // UN Doc. E/C.12/2000/4. Пп. 11–12. [Электронный ресурс]: URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2FC.12%2F2000%2F4&Lang=ru.

4. WHO Global Oral Health Action Plan 2023–2030. – Geneva: World Health Organization, 2023. [Электронный ресурс]: URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789240068506.

5. Resolution WHA74.5 «Oral health», adopted by the 74th World Health Assembly, 31 May 2021 // WHO Doc. WHA74/2021/REC/1. [Электронный ресурс]: URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA74/A74_R5-en.pdf.

6. World Dental Federation (FDI). FDI Vision 2030: Delivering Optimal Oral Health for All. – Geneva: FDI World Dental Federation, 2021. [Электронный ресурс]: URL: https://www.fdiworlddental.org/fdi-vision-2030.

7. Лиссабонская декларация о правах пациента: принята 34-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Лиссабон, сентябрь–октябрь 1981 г. (пересмотрена в 1995, 2005 гг.) // WMA. Параграфы 3, 7. [Электронный ресурс]: URL: https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-lisbon-on-the-rights-of-the-patient.

8. Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция Овьедо): Страсбург, 4 апреля 1997 г. // European Treaty Series. – No. 164. Ст. 5, 16. [Электронный ресурс]: URL: https://rm.coe.int/168007cf98.

9. Козлова А.А. Роль международных организаций в сфере защиты прав человека, связанных с применением биомедицинских исследований // Юрист-Правовед. – 2021. – № 2. – С. 48–53.

10. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2022 г.). Ст. 29. [Электронный ресурс]: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000.

11. Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК (с изменениями и дополнениями). Ст. 75, 76. [Электронный ресурс]: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360.

12. Чехова Е.И. Виды международных актов, гарантирующих право человека на охрану здоровья // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2017. – № 9(2). – С. 67–73.

13. Пищита А.Н. Согласие на медицинское вмешательство: медико-правовой анализ. – М.: ЦКБ РАН, 2006. – 196 с.
14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК (с изменениями и дополнениями). Ст. 317. [Электронный ресурс]: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226.
15. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409-I (с изменениями и дополнениями). Ст. 921–922. [Электронный ресурс]: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409.
16. Луцкая И.К. Этико-правовые аспекты в стоматологии. – М.: Медицинская литература, 2010. – 312 с.
17. Пищита А.Н., Гончаров Н.Г. Эволюция правового регулирования здравоохранения в России. – М.: ЦКБ РАН, 2007. – 208 с.
18. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // UN Doc. A/RES/217(III). Ст. 25. [Электронный ресурс]: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

МРНТИ 11.25.41 https://doi.org/10.51889/10.51889/1728-550X.2026.86.3.004

К.С. Нурғалым [1], А. Әбдіғали[2]
[1]саяси ғылымдардың кандидаты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Сорбонна – Қазақстан институты, Халықаралық құқық кафедрасының доценті
[2]Абай атындағы ҚазҰПУ, Сорбонна-Қазақстан институтының Халықаралық құқық мамандығының 1 курс магистранты

ОТБАСЫ ҚҰҚЫҒЫ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖЕКЕ ҚҰҚЫҒЫНЫҢ ОБЪЕКТІСІ РЕТІНДЕ

Аңдатпа

Бұл мақалада халықаралық жеке құқықтағы отбасы құқығының негізгі объектісі мен оның реттелу ерекшеліктері қарастырылады. Әртүрлі мемлекеттер арасындағы құқықтық айырмашылықтардың отбасылық қатынастарға әсері талданып, қолданылатын құқықты анықтау мәселелері зерттеледі. Зерттеу барысында отбасы-құқықтық қатынастардың трансшекаралық сипаты, оларды реттеудегі коллизиялық нормалардың маңызы, сондай-ақ әртүрлі құқықтық

жүйелер арасындағы айырмашылықтар қарастырылады. Автор некеге тұру, некені бұзу, ата-ана мен бала арасындағы құқықтық қатынастар, алименттік міндеттемелер және бала асырап алу мәселелерін халықаралық жеке құқық нормалары тұрғысынан талданады. Сонымен қатар, халықаралық шарттардың, ұлттық заңнамалардың және сот тәжірибесінің отбасы қатынастарын құқықтық реттеудегі ықпалы айқындалады. Мақаланың ғылыми жаңалығы халықаралық жеке құқықтағы отбасы құқығын дербес әрі негізгі құқықтық объект ретінде бағалау арқылы оның құқық қолдану тәжірибесіндегі өзекті мәселелерін анықтаудан көрінеді. Зерттеу нәтижелері құқық қолдану практикасы мен ғылыми ізденістерде пайдалануға ұсынылады.

Кілт сөздер: Халықаралық жеке құқық, отбасы құқығы, халықаралық құқық, неке, ажырасу, бала асырап алу, халықаралық конвенциялар, халықаралық шарттар.

Нурғалым К.С.[1], Әбдіғали А.[2]
[1]к.полит.н., доцент кафедры международного права института Сорбонна-Казахстан, КазНПУ им. Абая
[2]магистрант 1 курса, специальность « Международное право», Институт Сорбонна-Казахстан, КазНПУ им.Абая

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО КАК ОБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация

В данной статье рассматривается основной объект семейного права в международном частном праве и особенности его регулирования. Анализируется влияние правовых различий между различными государствами на семейные отношения, а также изучаются вопросы определения применимого права. В ходе исследования рассматриваются трансграничный характер семейно-правовых отношений, значение коллизионных норм в их регулировании, а также различия между различными правовыми системами. Автор анализирует вопросы заключения и расторжения брака, правовые отношения между родителями и детьми, алиментные обязательства и усыновление с точки зрения норм международного частного права. Кроме того, определяется влияние международных договоров, национального законодательства и судебной практики на правовое регулирование семейных отношений. Научная новизна статьи заключается в оценке семейного права в международном частном праве как самостоятельного и основного правового

объекта, что позволяет выявить актуальные проблемы его правоприменительной практики. Результаты исследования рекомендованы к использованию в правоприменительной деятельности и научных исследованиях.

Ключевые слова: Международное частное право, семейное право, международное право, брак, расторжение брака, усыновление, международные конвенции, международные договоры.

Nurgalym K.S.[1], Abdigali A.[2]
[1]Associate professor oflnternatonal Law, Abay KazNPU, candidate of political sciences
[2]1th year undergraduate, specialization international law, Sorbonne-Kazakhstan Institute at KazNPU named after Abay

FAMILY LAW AS A SUBJECT OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

In this article, the main object of family law in private international law and the features of its regulation are examined. The influence of legal differences between various states on family relations is analyzed, and issues related to the determination of the applicable law are also studied. In the course of the study, the cross-border nature of family-law relations, the importance of conflict-of-laws rules in their regulation, as well as differences between various legal systems are examined. The author analyzes issues related to the conclusion and dissolution of marriage, legal relations between parents and children, maintenance (alimony) obligations, and adoption from the perspective of the norms of private international law. Naddition, the influence of international treaties, national legislation, and judicial practice on the legal regulation of family relations is determined. The scientific novelty of the article lies in the assessment of family law in private international law as an independent and primary legal object, which makes it possible to identify current issues in its law-enforcement practice. The results of the study are recommended for use in law-enforcement activities and academic research.

Keywords: private international law, family law, international law, marriage, dissolution of marriage, adoption, international conventions, international treaties.

Қазіргі кезеңде халықаралық қатынастардың қарқынды дамуы жеке тұлғалардың мемлекеттер арасындағы қозғалысының кеңеюіне, халықаралық еңбек көші-қонының, білім беру және кәсіпкерлік байланыстардың өсуіне,

сондай-ақ әртүрлі мемлекеттердің азаматтары арасында отбасылық байланыстардың қалыптасуына алып келуде. Нәтижесінде бір мемлекетте пайда болған отбасылық-құқықтық қатынас басқа мемлекеттің аумағында жалғасуы немесе бірнеше мемлекеттің құқықтық жүйелерімен қатар байланыста болуы мүмкін.

Мысалы, Қазақстан Республикасының азаматы шетел азаматына шетел мемлекетінің аумағында некеге тұруы, кейін Қазақстанға тұрақты тұру үшін көшуі, баласының үшінші мемлекетте дүниеге келуі және ерлі-зайыптылар арасындағы мүліктік даудың Қазақстан сотында қаралуы мүмкін. Осындай жағдайда бір ғана ұлттық құқық жүйесін қолдану жеткіліксіз болып, халықаралық жеке құқықтың арнайы механизмдерін пайдалану қажеттілігі туындайды.

Қазақстан Республикасының неке-отбасы заңнамасы отбасыны, ана мен әкені және баланы мемлекеттің қорғауында деп таниды. Сонымен бірге Қазақстан Республикасының ратификациялаған халықаралық шарттарында ұлттық заңнамада көзделгеннен өзгеше қағидалар белгіленген жағдайда халықаралық шарттардың ережелері қолданылатыны бекітілген [1].

Осыған байланысты неке-отбасы қатынастары халықаралық жеке құқықтың маңызды объектілерінің бірі болып табылады. Олардың ерекшелігі – отбасылық қатынастардың жеке сипатымен қатар, мемлекеттің қоғамдық тәртіпті, баланың құқықтарын және отбасы институтын қорғауға бағытталған жария-құқықтық мүдделердің болуында.

Зерттеу барысында халықаралық жеке құқықтағы отбасы-құқықтық қатынастарды негізгі объект ретінде жан-жақты талдауға мүмкіндік беретін жалпы ғылыми және арнайы-құқықтық әдістер кешені қолданылды. Атап айтқанда, зерттеудің теориялық негізін диалектикалық әдіс құрайды, ол халықаралық жеке құқық нормаларының даму үрдістерін, олардың өзара байланысы мен өзгермелілігін анықтауға мүмкіндік берді. Зерттеудің мақсаты Қазақстан Республикасының халықаралық жеке құқығы жүйесіндегі неке-отбасы қатынастарының құқықтық табиғатын анықтау, коллизиялық реттеу ерекшеліктерін талдау және ұлттық заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Халықаралық жеке құқықтың объектісі ретінде неке-отбасы қатынастары деп құрамында шетелдік элементі бар және кемінде екі мемлекеттің құқықтық жүйесімен байланысты отбасылық қатынастарды түсіну қажет.

Халықаралық жеке құқықтағы «шетелдік элемент» үш негізгі нысанда көрінуі мүмкін:

1. қатынастың субъектісі шетел азаматы немесе азаматтығы жоқ адам болуы;
2. құқықтық қатынас объектісінің шетел мемлекетінің аумағында орналасуы;
3. заңдық фактінің шетел мемлекетінің аумағында орын алуы.

Неке-отбасы саласында шетелдік элемент осы нысандардың біреуімен ғана шектелмейді. Бір отбасылық қатынаста бірнеше шетелдік элемент қатар кездесуі мүмкін.

Мәселен, Қазақстан азаматы Франция азаматына Франция аумағында некеге тұрса, бұл қатынаста субъектілердің азаматтығы әртүрлі, неке қию фактісі шетелде орын алған және кейін ерлі-зайыптылардың тұрғылықты жері Қазақстанда болуы мүмкін. Мұндай жағдайда некеге тұру шарттары, оның нысаны, жарамдылығы, ерлі-зайыптылардың жеке және мүліктік құқықтары әртүрлі коллизиялық нормалар негізінде анықталуы ықтимал.

Осы тұрғыдан алғанда, неке-отбасы қатынастары халықаралық жеке құқықтың дербес объектісі ретінде бірнеше өзара байланысты элементтерден тұрады:

– неке қию;
– некені жарамды деп тану;
– некені жарамсыз деп тану;
– некені бұзу;
– ерлі-зайыптылардың жеке құқықтары;
– ерлі-зайыптылардың мүліктік қатынастары;
– ата-аналар мен балалар арасындағы құқықтық қатынастар;
– әкелікті және аналықты анықтау.

Қазақстан Республикасының неке-отбасы заңнамасы отбасы қатынастарының кең ауқымын реттейді. Кодексте неке мен отбасы мүшелерінің арасындағы мүліктік және жеке мүліктік емес құқықтар мен міндеттер, неке қию және бұзу тәртібі, ата-аналар мен балалардың құқықтары, бала асырап алу және басқа да институттар көзделген [2].

Қазақстан мен Қытай арасындағы неке-отбасы қатынастарын салыстырмалы түрде зерттеу де маңызды. Екі мемлекеттің азаматтары арасындағы некелерге байланысты құқықтық мәселелерді талдау заңнамалардағы ұқсастықтар мен айырмашылықтарды анықтауға мүмкіндік береді. Бұл өз кезегінде халықаралық отбасылық қатынастарда туындайтын мәселелерді шешудің тиімді жолдарын ұсынуға көмектеседі. Осыған байланысты мен халықаралық неке-отбасы қатынастарын жетілдіру үшін бірнеше ұсыныс білдіргім келеді. Біріншіден, шетел азаматтарымен некеге

тұратын адамдарға құқықтық ақпарат беру жұмыстарын күшейту қажет. Екіншіден, халықаралық отбасылық дауларды шешу кезінде мемлекеттер арасындағы құқықтық ынтымақтастықты дамыту маңызды. Үшіншіден, балалардың құқықтарын қорғау және ерлі-зайыптылардың мүліктік мүдделерін қамтамасыз ету мәселелеріне ерекше көңіл бөлінуі тиіс. Демек, халықаралық жеке құқық тұрғысынан неке-отбасы қатынастарының объектісі тек «халықаралық неке» ұғымымен шектелмейді. Ол шетелдік элементі бар барлық негізгі отбасылық-құқықтық қатынастарды қамтиды.

Қазақстандағы халықаралық жеке құқықтағы неке-отбасы қатынастары бірнеше құқықтық қайнар көздер арқылы реттеледі. Біріншіден, Қазақстан Республикасының Конституциясы отбасы институтының, ана мен әкенің және баланың мемлекеттік қорғауда болуын бекітетін негізгі құқықтық негіз болып табылады. Екіншіден, негізгі арнайы акт – Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» кодексі. Кодекстің қазіргі редакциясында халықаралық элементі бар отбасылық қатынастарды реттеуге арналған арнайы нормалар жүйесі бар. Кодекстің тиісті бөлімінде Қазақстан Республикасының неке-отбасы заңнамасын шетел азаматтары мен азаматтығы жоқ адамдарға қолдану мәселелері реттеледі. Кодекстің 275-бабы ерлі-зайыптылардың жеке мүліктік емес және мүліктік құқықтары мен міндеттерін анықтауға арналған коллизиялық норманы бекітеді, ал кейінгі баптар әкелікті (аналықты), ата-аналар мен балалардың құқықтары мен міндеттерін, алименттік міндеттемелерді және бала асырап алуды қамтиды [3].

Үшіншіден, Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінің нормалары да маңызды мәнге ие. Отбасылық қатынастардың кейбір мүліктік аспектілері тікелей неке-отбасы заңнамасымен реттелмеген жағдайда, олардың табиғатына қайшы келмейтін дәрежеде азаматтық заңнама қолданылуы мүмкін[4]. Төртіншіден, Қазақстан Республикасының азаматтық процестік заңнамасы шетелдік тұлғалардың сот процесіне қатысуы, халықаралық соттылық, шетелдік соттардың шешімдерін тану және орындау мәселелерін реттейді.

Бесіншіден, халықаралық шарттар ерекше орын алады. Қазақстан Республикасы ратификациялаған халықаралық шарттарда ұлттық заңнамадан өзгеше қағидалар белгіленсе, халықаралық шарттың нормалары қолданылады. Бұл қағида Қазақстанның неке-отбасы заңнамасында тікелей бекітілген.

Осылайша, халықаралық жеке құқықтағы неке-отбасы қатынастарының қайнар көздері ұлттық және халықаралық құқықтың өзара байланысына негізделген көпдеңгейлі жүйені құрайды. Әртүрлі мемлекеттердің ұлттық

заңнамалары некеге тұрудың жасына, некеге тұруға кедергі келтіретін мән-жайларға, бұрынғы некенің болуына, туыстық қатынастарға, нысанға және мемлекеттік тіркеуге қатысты әртүрлі талаптар белгілеуі мүмкін.

Осыдан коллизиялық мәселе туындайды: нақты некеге тұру жағдайында қай мемлекеттің заңнамасы қолданылуға тиіс. Халықаралық жеке құқықта бұл мәселені шешу үшін әдетте екі түрлі құқықтық байланыс пайдаланылады: адамның жеке заңы және неке қию орнының заңы. Қазақстан заңнамасында шетелдік элементі бар некелерді реттеу кезінде осы екі құқықтық байланыстың үйлесуі байқалады. Некенің нысаны мен оны тіркеу тәртібі көбіне неке жасалған мемлекеттің заңымен байланысты болса, некеге тұруға қабілеттілік пен некеге тұруға кедергілер белгілі жағдайларда тұлғаның жеке заңымен анықталуы мүмкін.

Бұл ретте Қазақстан аумағында жасалатын неке Қазақстан Республикасының міндетті талаптарына бағынады. Яғни шетелдік азамат Қазақстан аумағында некеге тұрған кезде оның шетелдік азамат болуы Қазақстанның негізгі императивтік талаптарын айналып өтуге мүмкіндік бермейді.

Халықаралық жеке құқықтың маңызды қағидаларының бірі – қоғамдық тәртіп туралы ескертпе. Егер шетел мемлекетінің құқығын қолдану Қазақстан Республикасының құқықтық тәртібінің негізгі қағидаларына, Конституцияға немесе адамның негізгі құқықтары мен бостандықтарына қайшы келсе, Қазақстан соты мұндай құқықты қолданудан бас тарта алады.

Бұл қағида әсіресе неке-отбасы қатынастарына қатысты ерекше маңызға ие, өйткені отбасы құқығы мемлекеттердің ұлттық құқықтық, мәдени және әлеуметтік ерекшеліктерімен тығыз байланысты некеге тұру кезіндегі коллизиялық мәселелерді тиімді шешу үшін ұлттық заңнаманың нормаларын дұрыс қолдану, халықаралық шарттардың талаптарын ескеру және мемлекеттер арасындағы құқықтық ынтымақтастықты жетілдіру қажет. Бұл шаралар халықаралық неке қатынастарында туындайтын құқықтық қиындықтарды азайтып, азаматтардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғауға мүмкіндік береді.

Қазақстан Республикасының «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» кодексінің 230-бабына сәйкес, Қазақстан азаматтары арасында немесе Қазақстан азаматтары мен шетел азаматтары арасында шетелде қиылған неке, жалпы ереже бойынша, неке қиылған мемлекеттің заңнамасы сақталған жағдайда Қазақстан Республикасында жарамды деп танылады.

Мысалы, шетелде некеге тұрған Қазақстан азаматы кейін Қазақстан аумағында мүлік сатып алған жағдайда ерлі-зайыптылардың мүліктік режимін анықтау қажеттілігі туындайды. Бұл жерде неке фактісін танумен қатар, ерлі-зайыптылардың мүліктік құқықтарына қолданылатын құқықты анықтау мәселесі пайда болады.

Менің ойымша, бұл саладағы негізгі мәселелердің бірі — шетелде берілген неке туралы құжаттарды Қазақстанда пайдалану кезінде туындайтын қиындықтар. Мысалы, құжаттарды аудару, олардың түпнұсқалығын растау және тиісті мемлекеттік органдарға ұсыну қажеттілігі азаматтар үшін қосымша уақыт пен шығынды талап етуі мүмкін. Сондықтан шетелде некеге тұрған азаматтарға құжаттарды рәсімдеу тәртібі туралы түсінікті әрі қолжетімді құқықтық ақпарат беру маңызды деп есептеймін. Сонымен қатар, Қазақстан мен Қытай арасындағы халықаралық неке қатынастарын қарастыру бұл мәселенің өзектілігін айқын көрсетеді. Мысалы, Қазақстан азаматы Қытай азаматына Қытай аумағында заңды түрде некеге тұрған жағдайда, олардың некелік қатынастары Қазақстанда да құқықтық салдарлар туындатуы мүмкін. Алайда мұндай некені тану кезінде Қазақстан заңнамасының талаптары мен тиісті халықаралық шарттардың ережелері ескерілуі қажет. Осыған байланысты екі мемлекеттің заңнамаларын салыстырмалы түрде зерттеу маңызды деп санаймын.

Қазақстан Республикасының неке-отбасы заңнамасында шетелдік азаматтар мен азаматтығы жоқ адамдарға қатысты некені бұзу мәселелерін реттейтін арнайы нормалар бар. Халықаралық жеке құқықта некені бұзу кезінде ерлі-зайыптылардың азаматтығы ғана емес, олардың ортақ тұрғылықты жері де маңызды құқықтық байланыс болып табылады. Қазақстан заңнамасының маңызды ерекшелігі – ерлі-зайыптылардың жеке мүліктік емес және мүліктік құқықтары мен міндеттерін анықтау кезінде олардың ортақ тұрғылықты жеріне басымдық берілуі. Егер ерлі-зайыптылардың ортақ тұрғылықты жері болмаса, олардың соңғы ортақ тұрғылықты жерінің мемлекетінің заңнамасы ескеріледі. Ал бұрын ортақ тұрғылықты жері болмаған ерлі-зайыптылардың Қазақстан аумағындағы қатынастарына Қазақстан Республикасының заңнамасы қолданылуы көзделген [5].

Бұл коллизиялық норма халықаралық жеке құқықтағы кең таралған «ең тығыз байланыс» қағидатына жақын келеді. Мысалы, Қазақстан азаматы мен Германия азаматы некеге тұрғаннан кейін бірнеше жыл Германияда бірге өмір сүрсе, олардың мүліктік қатынастарына байланысты дау туындаған жағдайда ортақ тұрғылықты жердің құқығы негізгі байланыстырушы фактор ретінде қарастырылуы мүмкін. Бұл тәсіл азаматтыққа ғана негізделген реттеуден гөрі

отбасының нақты әлеуметтік байланысын анықтауға мүмкіндік береді. Халықаралық жеке құқықтағы ерекше сезімтал сала – ата-аналар мен балалар арасындағы қатынастар.

Мұнда баланың азаматтығы, туған жері, ата-аналардың азаматтығы, баланың тұрғылықты жері және ата-аналардың тұрғылықты жері сияқты бірнеше факторлар қатар жүреді. Қазақстан заңнамасында әкелікті немесе аналықты белгілеу және даулау мәселелері бойынша баланың туған кездегі азаматтығы маңызды байланыстырушы фактор ретінде қарастырылған. Ал Қазақстан аумағында мұндай құқықтық қатынастарды рәсімдеу тәртібі Қазақстан Республикасының заңнамасына бағынады [6].

Бұл ретте халықаралық жеке құқықтың қазіргі даму үрдістерінде баланың мүдделерін қорғау қағидаты ерекше орын алады.

Бала ата-анасының ажырасуына байланысты бірнеше мемлекеттің аумағында өмір сүруі мүмкін. Мысалы, баланың анасы Қазақстанда, әкесі Францияда тұруы мүмкін, ал баланың өзі мектепті үшінші мемлекетте оқуы ықтимал. Мұндай жағдайда ата-ананың баламен қарым-қатынасы, баланың тұрғылықты жері, оны шетелге алып кету, алимент төлеу және сот шешімін орындау мәселелері халықаралық жеке құқықтың күрделі объектілеріне айналады.

Сондықтан ата-аналар мен балалар арасындағы қатынастарда формальды азаматтық өлшемінен гөрі баланың тұрақты тұрғылықты жері мен оның ең үздік мүдделері қағидатын басшылыққа алу маңызды. Алименттік қатынастар халықаралық жеке құқықта практикалық маңызы жоғары институттардың бірі болып табылады.

Ерлі-зайыптылардың немесе ата-аналар мен балалардың әртүрлі мемлекеттерде тұруы алиментті белгілеу, оның мөлшерін анықтау, сот шешімін шығару және оны орындау мәселелерін күрделендіреді.

Мысалы, Қазақстан аумағында тұратын балаға алимент төлеуге міндетті ата-ана шетел мемлекетінде тұруы мүмкін. Қазақстан соты алимент өндіріп алу туралы шешім шығарған жағдайда, оны шетелде орындау үшін халықаралық құқықтық көмек механизмдерін қолдану қажет болады.

Бұл салада халықаралық шарттардың маңызы ерекше. Халықаралық шарттар сот құжаттарын беру, дәлелдемелерді алу, сот шешімдерін тану және орындау тәртібін жеңілдетуге бағытталуы мүмкін.

Алименттік міндеттемелерді халықаралық деңгейде тиімді орындаудың басты мақсаты – баланың материалдық мүдделерін қорғау. Сондықтан бұл салада процессуалдық формализмнен гөрі баланың құқықтарын нақты

қамтамасыз етуге бағытталған тәсіл басым болуы тиіс. Шетелдік элементі бар неке-отбасы қатынастарының ең күрделі бағыттарының бірі – халықаралық бала асырап алу. Қазақстан Республикасының заңнамасы шетелдік азаматтардың Қазақстан азаматтары болып табылатын балаларды асырап алуына байланысты арнайы талаптар белгілейді. Мұндай қатынастарда баланың құқықтары мен мүдделерін қорғау басты орын алады.

Халықаралық бала асырап алу кезінде бірнеше құқықтық жүйенің өзара байланысы туындайды:

– баланың азаматтығы мемлекетінің құқығы;
– асырап алушының азаматтығы мемлекетінің құқығы;
– баланың тұрақты тұратын жерінің құқығы;
– бала асырап алу рәсімі жүзеге асырылатын мемлекеттің құқығы.

Бұл ретте мемлекеттердің ынтымақтастығы өте маңызды. Бала асырап алудың халықаралық сипаты бала саудасы, баланы заңсыз әкету және оның құқықтарын бұзу тәуекелдерін арттыруы мүмкін. Сондықтан халықаралық бала асырап алу кезінде тек коллизиялық нормаларды анықтау жеткіліксіз. Мемлекетаралық әкімшілік және сот ынтымақтастығының тиімді механизмдері де қажет. Халықаралық отбасылық дауларда сот шешімдерін тану және орындау мәселесі ерекше маңызға ие.

Егер Қазақстан Республикасының соты некені бұзу немесе алимент өндіру туралы шешім қабылдаса, ал борышкер немесе оның мүлкі шетелде орналасса, Қазақстан сотының шешімін сол мемлекетте орындау мәселесі туындайды. Керісінше, шетел мемлекетінің соты шығарған шешім Қазақстан аумағында орындалуы қажет болуы мүмкін. Бұл жағдайда сот шешімдерін өзара тану және орындау мемлекеттер арасындағы халықаралық шарттарға немесе ұлттық заңнамаға негізделеді. Қазақстанның азаматтық процестік заңнамасында шетелдік тұлғалардың қатысуымен істерді қарауға, халықаралық соттылыққа, шетелдік соттардың шешімдерін тануға және орындауға арналған арнайы нормалар көзделген [7].

Қазіргі таңда азаматтық хал актілерін тіркеу, сот ісін жүргізу және құжат айналымы цифрландырылуда. Болашақта халықаралық отбасылық құқықтық қатынастар бойынша құжаттарды электрондық түрде өзара тану, олардың түпнұсқалығын тексеру және мемлекетаралық деректер алмасу механизмдерін дамыту қажеттілігі артады.

Ерлі-зайыптылардың жеке мүліктік емес және мүліктік құқықтары мен міндеттерін анықтауда олардың ортақ тұрғылықты жерінің құқығына басымдық берілуі халықаралық жеке құқықтың заманауи үрдістеріне сәйкес келеді. Бұл

тәсіл тараптардың нақты өмірлік және әлеуметтік байланыстарын ескеруге мүмкіндік береді. Халықаралық отбасылық қатынастарды цифрландыру шеңберінде азаматтық хал актілері туралы мәліметтерді мемлекетаралық құқықтық тану, электрондық құжаттардың түпнұсқалығын растау және сот органдары арасындағы ақпарат алмасу механизмдерін дамыту перспективалы бағыт болып табылады.

Осылайша, неке-отбасы қатынастары халықаралық жеке құқықтың дәстүрлі институты бола отырып, қазіргі кезеңде жаңа мазмұнға ие болуда. Қазақстан Республикасының алдында тұрған негізгі міндет – ұлттық отбасы құқығының ерекшеліктерін сақтай отырып, халықаралық жеке құқықтың заманауи қағидаттары мен стандарттарына сәйкес келетін, отбасы мүшелерінің, ең алдымен балалардың құқықтарын тиімді қорғайтын коллизиялық және процессуалдық механизмдерді қалыптастыру.

Қазақстанның халықаралық жеке құқығындағы неке-отбасы қатынастарының одан әрі дамуы ұлттық заңнаманың халықаралық стандарттармен үйлесімділігіне, мемлекетаралық құқықтық ынтымақтастықтың тиімділігіне және трансшекаралық отбасылық дауларды шешудің қолжетімді әрі болжамды механизмдерін қалыптастыруға байланысты болады.

Қорытындылай келе, менің ойымша, Қазақстан Республикасының халықаралық жеке құқық саласындағы неке-отбасы қатынастарын реттейтін қайнар көздерін жетілдіру ұлттық заңнаманың тұрақтылығын қамтамасыз етумен қатар, халықаралық құқықтық ынтымақтастықты дамытуға да бағытталуы керек. Ұлттық заңнама, халықаралық шарттар және құқық қолдану тәжірибесі өзара үйлесімді болған жағдайда ғана халықаралық отбасылық қатынастарда туындайтын мәселелерді тиімді шешуге мүмкіндік туады. Сондықтан бұл саланы одан әрі зерттеу және құқықтық реттеуді жетілдіруге бағытталған нақты ұсыныстар әзірлеу қазіргі кезеңдегі маңызды ғылыми міндеттердің бірі деп есептеймін.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. *Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» кодексі.*
2. *Қазақстан Республикасының «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» кодексі. 7-бөлім. Қазақстан Республикасының неке-отбасы заңнамасы нормаларын шетел азаматтары мен азаматтығы жоқ адамдарға қолдану.*
3. *Қазақстан Республикасының 1994 жылғы 27 желтоқсандағы Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім).*

4. *Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексі. Халықаралық процесс және шетелдік тұлғалардың қатысуымен істерді қарау туралы ережелер.*
5. *Біріккен Ұлттар Ұйымының 1989 жылғы 20 қарашадағы Бала құқықтары туралы конвенциясы.*
6. *Біріккен Ұлттар Ұйымының 1966 жылғы 16 желтоқсандағы Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакті.*
7. *Гаага халықаралық жеке құқық конференциясының халықаралық отбасы құқығы саласындағы конвенциялары.*

МРНТИ 11.25.49 https://doi.org/10.51889/1728-550X.2026.86.3.006

Данияр Д.Б.[1], Курмангали А.К.[2]
[1]магистрант 2 курса, Институт Сорбонна-Казахстан, КазНПУ им. Абая
[2]доцент кафедры международных отношений, Институт Сорбонна-Казахстан, КазНПУ им. Абая

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И РОЛЬ ООН В ФОРМИРОВАНИИ ИНКЛЮЗИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация

В статье цифровое неравенство анализируется как фактор, влияющий на возможности накопления и реализации человеческого капитала, а вклад системы Организации Объединённых Наций рассматривается через институциональный анализ. На основе трёхуровневой модели цифрового разрыва (доступ, навыки, результаты использования технологий) и подхода, ориентированного на расширение возможностей человека, сопоставляются актуальные данные Международного союза электросвязи и ЮНЕСКО с нормативными и программными инструментами ООН: Повесткой дня до 2030 года, Дорожной картой по цифровому сотрудничеству, Глобальным цифровым договором, инициативой Giga, политикой ЮНЕСКО в области открытых образовательных ресурсов и цифровой стратегией ПРООН. Сопоставление показывает: расширение подключения не устраняет различий в цифровых навыках и результатах использования технологий. При этом ООН главным образом согласует нормы и действия участников, тогда как практические результаты во многом зависят от национальной политики. Обоснована многомерная модель,

объединяющая инфраструктуру, цифровые компетенции и институциональные гарантии равного участия в цифровой экономике.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровой разрыв, человеческий капитал, цифровая инклюзия, подход на основе способностей, устойчивое развитие, ИКТ, Организация Объединённых Наций, ЮНЕСКО, МСЭ.

Д.Б. Данияр[1], А.К. Курмангали [2]

[1]2-курс магистранты, Сорбонна-Қазақстан институты, Абай атындағы ҚазҰПУ

[2]халықаралық қатынастар кафедрасының доценті, Сорбонна-Қазақстан институты, Абай атындағы ҚазҰПУ

ЦИФРЛЫҚ ТЕҢСІЗДІК ЖӘНЕ БҰҰ-НЫҢ ИНКЛЮЗИВТІ АДАМИ КАПИТАЛДЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ РӨЛІ

Аңдатпа

Мақалада цифрлық теңсіздік адам капиталын жинақтау мен іске асыру мүмкіндіктерін айқындайтын фактор ретінде қарастырылады, ал Біріккен Ұлттар Ұйымы жүйесінің оны азайтудағы үлесі институционалдық талдау тұрғысынан бағаланады. Цифрлық алшақтықтың үш деңгейлі моделі (қолжетімділік, дағдылар, технологияны пайдалану нәтижелері) мен адамның мүмкіндіктерін кеңейтуге бағытталған тәсіл негізінде Халықаралық телекоммуникациялық одақ пен ЮНЕСКО-ның өзекті деректері БҰҰ-ның нормативтік және бағдарламалық құралдарымен салыстырылады: 2030 жылға дейінгі Күн тәртібі, Цифрлық ынтымақтастық жөніндегі жол картасы, Жаһандық цифрлық келісім, Giga бастамасы, ЮНЕСКО-ның ашық білім беру ресурстары саласындағы саясаты және БҰДБ-ның цифрлық стратегиясы. Байланыс алшақтығының қысқаруы дағдылар мен технологиядан алынатын пайдадағы теңдікті өздігінен қамтамасыз етпейтіні, ал БҰҰ-ның рөлі негізінен нормативтік және үйлестіруші сипатта болатыны, сондықтан нәтиже ұлттық саясатқа тәуелді екені көрсетілген. Инфрақұрылымды, цифрлық құзыреттілікті және цифрлық экономикаға тең қатысудың институционалдық кепілдіктерін біріктіретін көпөлшемді модель негізделді.

Түйін сөздер: цифрлық теңсіздік, цифрлық алшақтық, адам капиталы, цифрлық инклюзия, мүмкіндіктер тәсілі, тұрақты даму, АКТ, Біріккен Ұлттар Ұйымы, ЮНЕСКО, ХТО.

Daniyar D.B.[1], Kurmangali A.K.[2]

[1]second-year Master's student, Sorbonne-Kazakhstan Institute, Abai KazNPU

[2]associate Professor, Department of International Relations, Sorbonne-Kazakhstan Institute, Abai KazNPU

DIGITAL INEQUALITY AND THE ROLE OF THE UNITED NATIONS IN SHAPING INCLUSIVE HUMAN CAPITAL

Abstract

The article treats digital inequality as a factor that shapes the accumulation and realisation of human capital and assesses the contribution of the United Nations system to reducing it from an institutional perspective. Drawing on the three-level model of the digital divide (access, skills, outcomes of use) and the capability approach, it compares the latest data of the International Telecommunication Union and UNESCO with the normative and programmatic instruments of the UN: the 2030 Agenda, the Roadmap for Digital Cooperation, the Global Digital Compact, the Giga initiative, UNESCO's policy on open educational resources and the UNDP Digital Strategy. The analysis shows that narrowing the connectivity gap does not by itself secure equality in skills and in the benefits drawn from technology, and that the UN's role is mainly normative and coordinating, so outcomes depend on national policy. The article substantiates a multidimensional model that combines infrastructure, digital competences and institutional guarantees of equal participation in the digital economy.

Keywords: digital inequality, digital divide, human capital, digital inclusion, capability approach, sustainable development, ICT, United Nations, UNESCO, ITU.

Доступ к цифровым технологиям всё заметнее влияет на образование, трудоустройство и получение государственных услуг. Однако возможности воспользоваться этими сервисами по-прежнему существенно различаются. По оценке Международного союза электросвязи (МСЭ), в 2025 г. интернетом пользовались около 6 млрд человек, или 74% населения мира, а 2,2 млрд оставались офлайн [8, 9]. Разрыв между группами стран остаётся глубоким. В странах с высоким уровнем дохода интернетом пользуются 94% населения, в странах с низким уровнем дохода – 23%, причём 96% людей вне сети живут в странах с низким и средним доходом [9]. Сам МСЭ подчёркивает, что современные разрывы определяются не только наличием подключения, но и скоростью, надёжностью, ценовой доступностью и навыками [9].

Для анализа человеческого капитала важно учитывать разные измерения цифрового разрыва. Со времён работ Т. Шульца и Г. Беккера образование и профессиональные компетенции рассматриваются как инвестиции, повышающие производительность и доходы [14, 1]. В цифровой экономике доступ к знаниям, обучению и рынку труда всё чаще опосредован технологиями, поэтому неравенство в цифровых ресурсах становится неравенством возможностей накапливать и использовать человеческий капитал. Эта зависимость отчётливо проявилась во время пандемии COVID-19. По оценке ЮНЕСКО, из учащихся, не попавших в школы из-за карантинных мер, около 826 млн не имели домашнего компьютера, а 706 млн (43%) не имели интернета дома [23]. Цифровой разрыв в таком случае не только отражает существующее социально-экономическое неравенство, но и воспроизводит его [12, 25].

На международном уровне выработкой общих ориентиров по сокращению цифрового неравенства занимается прежде всего система ООН. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. связывает доступ к ИКТ с качественным образованием и сокращением неравенства [17]. Дорожная карта Генерального секретаря по цифровому сотрудничеству (2020) поставила цель универсального, безопасного и доступного подключения к 2030 г. [18]. Глобальный цифровой договор (2024) расширил эту повестку обязательствами подключить всех людей, школы и больницы, повысить доступность технологий и поддержать цифровую инфраструктуру общественного назначения [19, 20]. Практическими механизмами служат инициатива Giga (ЮНИСЕФ и МСЭ), политика ЮНЕСКО в области открытых образовательных ресурсов и цифровая стратегия ПРООН [4, 22, 21].

Исследовательская трудность связана с тем, что литература о цифровом неравенстве подробно описывает его уровни [6, 24, 12], связь политики цифровой инклюзии с развитием человеческого капитала рассматривается в отдельных работах [5], а документы ООН фиксируют цели и инструменты, но эти массивы, как правило, анализируются раздельно. При этом остаётся открытым вопрос, на какие именно уровни разрыва нацелены инструменты ООН и в какой мере они способны влиять на формирование человеческого капитала.

Цель статьи – определить, как цифровое неравенство влияет на формирование инклюзивного человеческого капитала и в какой мере инструменты системы ООН снижают соответствующие барьеры.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. уточнить понятие цифрового неравенства и его связь с человеческим капиталом на основе теории человеческого капитала и подхода, ориентированного на возможности человека;
2. оценить масштабы и структуру неравенства по данным МСЭ и ЮНЕСКО, используя единую отчётную базу;
3. сопоставить нормативные и программные инструменты ООН с уровнями цифрового разрыва;
4. выявить ограничения этих инструментов и обосновать многомерную модель преодоления неравенства.

Исследовательский вопрос: адресуют ли инструменты ООН только доступ к технологиям или также навыки и результаты их использования? В статье обосновывается позиция, согласно которой преодоление цифрового неравенства требует перехода от политики расширения подключения к комплексной модели, объединяющей инфраструктуру, цифровые компетенции и институциональные гарантии равного участия в цифровой экономике.

Для ответа на исследовательский вопрос сначала рассматриваются теоретические подходы и методы, затем статистика цифрового неравенства и инструменты ООН. Завершающая часть посвящена их ограничениям и возможным направлениям политики.

Классическая теория связывает человеческий капитал с инвестициями в образование, обучение и здоровье, которые повышают производительность труда и доходы [14, 1]. Применительно к цифровому неравенству такой подход недостаточен. Капитал трактуется как индивидуальный запас, а неравные условия, в которых происходит инвестирование, остаются за рамками анализа. Условия распределения возможностей помогают объяснить два других подхода. П. Бурдьё показывает, что разные формы капитала конвертируются друг в друга неодинаково в зависимости от социальной позиции [2]. Подход на основе возможностей А. Сена смещает акцент с наличия ресурса на реальную способность превратить его в ценные для человека результаты с учётом личных, социальных и средовых факторов конверсии [16]; применительно к ИКТ он развит в работе Д. Клейне [10].

В исследовании используется следующее рабочее определение. Инклюзивный человеческий капитал – предполагает условия, при которых все социальные группы могут накапливать (образование, навыки) и реализовывать

(занятость, доход, участие в общественной жизни) человеческий капитал с опорой на цифровые технологии, а не вопреки их неравномерной доступности.

Исследователи всё реже ограничивают цифровой разрыв делением на «подключённых» и «неподключённых» [15, 25]. Различают три взаимосвязанных уровня. Первый связан с доступом устройствами, инфраструктурой и ценой подключения. Второй относится к навыкам и характеру использования технологий [3, 6, 24]. Третий описывает различия в реальных выгодах от использования технологий – доходе, занятости, образовательных результатах [12, 13]. М. Уоршауэр подчёркивал, что доступ к ИКТ определяется набором взаимосвязанных ресурсов (физических, цифровых, человеческих и социальных), а не только наличием оборудования [26]. Связь каждого уровня с формированием человеческого капитала представлена в таблице 1.

Таблица 1. Уровни цифрового разрыва и человеческий капитал

Уровень разрыва	**Содержание**	**Примеры индикаторов**	**Канал влияния на человеческий капитал**
Доступ	Устройства, покрытие сетей, цена подключения	Доля пользователей интернета, покрытие 5G, доступность тарифов [9]	Возможность получать образование и информацию онлайн
Навыки и характер использования	Базовые и продвинутые цифровые навыки, разнообразие видов использования	Доля молодёжи и взрослых с ИКТ-навыками (показатель 4.4.1 ЦУР)	Качество накопления капитала: обучение, переквалификация

Уровень разрыва	**Содержание**	**Примеры индикаторов**	**Канал влияния на человеческий капитал**
Результаты	Реальные выгоды от использования технологий	Занятость, доход, образовательные результаты (национальные обследования, данные ОЭСР [11])	Реализация капитала на рынке труда и в общественной жизни

Составлено авторами на основе [3, 6, 12, 13, 24].

В работе применяется качественный сравнительный анализ документов и вторичных статистических данных. Эмпирическую базу составляют: академическая литература по цифровому неравенству и человеческому капиталу; официальные документы системы ООН (резолюция A/RES/70/1, доклад A/74/821, Приложение I к резолюции A/RES/79/1, Рекомендация ЮНЕСКО об открытых образовательных ресурсах, цифровая стратегия ПРООН, материалы инициативы Giga); статистика МСЭ за 2025 г. и оценки ЮНЕСКО за 2020 г. Инструменты ООН кодировались по трём критериям: уровень разрыва, на который они нацелены; механизм реализации (нормативный, финансовый, технический, образовательный); наличие измеримых целей и показателей.

Выбранный метод накладывает несколько ограничений. Агрегированные данные и отчётность программ позволяют судить о масштабах и охвате (outputs), но не дают причинно-следственной оценки влияния на образовательные и экономические результаты (outcomes). Кроме того, статистика МСЭ представляет собой модельные оценки, которые пересматриваются. Например, первичная оценка за 2024 г. (5,5 млрд пользователей и 2,6 млрд офлайн) в издании 2025 г. была пересмотрена до 5,8 млрд и 2,3 млрд соответственно [7, 9]. По этой причине прямое сопоставление цифр из разных изданий было бы некорректным. Все приведённые далее оценки МСЭ взяты из издания 2025 г. Интернет-источники проверены 22 октября 2026 г.

Данные за 2025 г. показывают, что рост общего числа пользователей интернета сочетается с устойчивыми различиями между социальными группами и странами, включая качество подключения. Число пользователей интернета выросло более чем на 240 млн человек и достигло около 6 млрд (примерно 74%

населения мира); офлайн остаются 2,2 млрд человек, тогда как, по пересмотренной оценке, за 2024 г. их было 2,3 млрд [9]. МСЭ отмечает, что прогресс замедляется, а основная часть неподключенных приходится на страны с низким и средним доходом [8].

Четыре измерения этого неравенства сопоставлены в таблице 2. Наибольшим остаётся различие между группами стран по доходу (71 п. п.), за ним следует различие между городом и селом (27 п. п.). Гендерный и возрастной разрывы существенно меньше, причём, по оценке МСЭ, гендерный и городско-сельский разрывы сокращаются, но сохраняются [8, 9].

Таблица 2. Доля населения, пользующегося интернетом, 2025 г.

Измерение	**Группа 1**	**Группа 2**	**Разрыв, п. п.**
Доход страны	Высокий доход: 94%	Низкий доход: 23%	71
Место проживания	Город: 85%	Село: 58%	27
Возраст	15–24 года: 82%	Остальное население: 72%	10
Пол	Мужчины: 77%	Женщины: 71%	6

Источник: [9]; разрыв рассчитан авторами.

Доля интернет-пользователей не отражает качество подключения. Это дополнительное измерение неравенства в доступе, которое необходимо учитывать при анализе цифровых возможностей. Пятое поколение мобильной связи охватывает 84% населения стран с высоким доходом и лишь 4% населения стран с низким доходом; типичный пользователь в стране с высоким доходом генерирует почти в восемь раз больше мобильного трафика, чем в стране с низким доходом [9]. Доступ к мобильному интернету остаётся неподъёмным по цене примерно в 60% стран с низким и средним доходом [9]. Что касается навыков, большинство пользователей владеет базовыми умениями, тогда как продвинутые компетенции, такие как безопасность в сети, решение задач и создание цифрового контента, формируются медленнее [9]. ОЭСР также

связывает различия в использовании цифровых сервисов с возрастом, образованием и доходом [11].

Последствия ограниченного доступа для образования иллюстрируют оценки ЮНЕСКО за 2020 г. 826 млн учащихся, оказавшихся вне школ, не имели домашнего компьютера, а 706 млн (43%) – интернета дома [23]. Эти данные относятся к периоду пандемии и иллюстрируют механизм, а не текущий масштаб, но позволяют понять, каким образом отсутствие домашних цифровых ресурсов ограничивало возможности учиться.

Сопоставление данных позволяет выделить два обстоятельства. Первое – разрыв в доступе тесно коррелирует с доходом, поэтому цифровое неравенство способно закреплять существующее социально-экономическое неравенство, а не только отражать его [12]. Второе – показатели первого уровня (доля пользователей) недостаточны для оценки второго и третьего уровней. Они ничего не говорят о том, что люди могут делать в сети и какие выгоды получают.

Система ООН одновременно формирует глобальные ориентиры и участвует в реализации конкретных программ. Однако среди рассмотренных инструментов наиболее подробно разработаны меры, связанные с доступом к технологиям. Навыкам уделяется меньше внимания, а результатам цифрового участия ещё меньше.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. задаёт три опорные точки: развитие востребованных навыков, включая ИКТ-компетенции (задача 4.4), расширение доступа к ИКТ и стремление обеспечить всеобщий доступный интернет в наименее развитых странах к 2020 г. (задача 9.c) и социальную и экономическую инклюзию (ЦУР 10) [17]. Срок по задаче 9.c давно истёк, а в странах с низким доходом интернетом в 2025 г. пользовались лишь 23% населения [9], то есть универсальный доступ не достигнут в группе стран, которая во многом пересекается с наименее развитыми.

Дорожная карта Генерального секретаря по цифровому сотрудничеству (2020) ставит цель обеспечить к 2030 г. безопасный и доступный интернет для каждого человека, включая осмысленное использование цифровых услуг, и выделяет цифровую инклюзию и наращивание цифрового потенциала в качестве отдельных направлений из восьми [18]. Упоминание «осмысленного использования» расширяет предмет Дорожной карты за пределы физического подключения. Однако документ рекомендует разработать соответствующие ориентиры и показатели, не устанавливая их непосредственно [18].

Глобальный цифровой договор (2024), принятый как Приложение I к Пакту во имя будущего (A/RES/79/1), содержит обязательства подключить всех людей, школы и больницы к интернету, сделать цифровые технологии более доступными и дешёвыми, в том числе на разных языках и в разных форматах, увеличить инвестиции в цифровые общественные блага и инфраструктуру, а также поддержать женщин и молодых новаторов и малый и средний бизнес [19, 20]. Высокоуровневый обзор договора запланирован на 82-й сессии Генеральной Ассамблеи; на странице договора размещено письмо Председателя Генеральной Ассамблеи от 16 октября 2026 г. о назначении сокоординаторов обзора [20]. Договор носит политический, а не юридически обязывающий характер, поэтому его эффективность определяется тем, насколько государства включат обязательства в национальные стратегии.

Инициатива Giga, созданная ЮНИСЕФ и МСЭ в 2019 г., строится на четырёх направлениях работы с правительствами – картировании школ, моделировании необходимой инфраструктуры, мобилизации финансирования и организации закупок, которые дополняет развитие потенциала участников [4]. По данным самой инициативы, на октябрь 2026 г. картировано более 2,2 млн школ, около 136 тыс. школ передают данные о подключении в реальном времени, с Giga сотрудничают 54 страны, а в 21 стране завершены картирование и моделирование [4]. Эти показатели характеризуют охват программы. Они не равнозначны числу подключённых школ или улучшению образовательных результатов. Доля школ, передающих данные о подключении в реальном времени, составляет порядка 6% от картированных (расчёт авторов по [4]). Особенность этого подхода заключается в том, что подключение школы рассматривается как часть образовательной экосистемы, включающей инфраструктуру, ресурсы и компетенции педагогов.

ЮНЕСКО дополняет инфраструктурное направление политикой открытых образовательных ресурсов. Рекомендация, принятая 25 ноября 2019 г., предусматривает пять направлений: развитие потенциала участников образования, создание поддерживающей политики, содействие инклюзивному и равному доступу к качественным ресурсам, формирование моделей устойчивости и международное сотрудничество [22]. Такие меры затрагивают второй уровень цифрового разрыва: для использования образовательных ресурсов требуется не одно лишь подключение, но и доступное содержание, а также соответствующие компетенции.

Цифровая стратегия ПРООН на 2022-2025 гг. предусматривает среди целей поддержку более инклюзивных и устойчивых цифровых экосистем на основе прав человека и принципа «не оставить никого позади» [21]. Поскольку срок действия стратегии завершён, оценка её вклада требует итоговой отчётности ПРООН.

Таблица 3 обобщает результаты кодирования инструментов по критериям, описанным в методологии.

Таблица 3. Инструменты системы ООН и уровни цифрового разрыва

Инструмент	**Тип**	**Преимущественный уровень разрыва**	**Измеримые ориентиры**	**Основное ограничение**
Повестка-2030: задачи 4.4, 9.c, ЦУР 10 [17]	Глобальные цели	1-й (9.c), 2-й (4.4)	Показатели 4.4.1 (ИКТ-навыки) и 9.c.1 (покрытие мобильной связью)	Срок по 9.c (2020 г.) истёк; нет механизма принуждения
Дорожная карта 2020 [18]	Политическая рамка	1-й и 2-й	Ориентир 2030 г.; метрики лишь рекомендованы к разработке	Метрики осмысленного подключения не заданы
Глобальный цифровой договор 2024 [19, 20]	Политические обязательства	1-й, 2-й, частично 3-й	Обзор на 82-й сессии Генеральной Ассамблеи	Необязывающий характер; зависит от национальной реализации

Инструмент	**Тип**	**Преимущественный уровень разрыва**	**Измеримые ориентиры**	**Основное ограничение**
Giga [4]	Операционный механизм	1-й	Охват: школы, страны, школы с данными в реальном времени	Показатели охвата, а не образовательных результатов
Рекомендация ЮНЕСКО об ОЭР [22]	Рекомендация государствам-членам	2-й	Качественные направления действий	Нет количественных целей; зависит от политики государств
Цифровая стратегия ПРООН 2022–2025 [21]	Стратегия организации	1-й и 2-й	Принципы и цели стратегии	Период действия завершён; нужна оценка итогов

Составлено авторами по результатам анализа открытых материалов ООН.

Сопоставление выявляет неравномерное распределение внимания между уровнями цифрового разрыва. Первый уровень покрыт и целями, и операционными механизмами, второй отражён преимущественно в нормативных формулировках и политике ЮНЕСКО, а показатели результатов использования технологий (занятость, доход, образовательные результаты) в рассмотренных материалах представлены слабо. Это различие необходимо учитывать при оценке результативности международных инициатив.

Рассмотренные документы и программы ООН задают международные ориентиры цифровой инклюзии. Вместе с тем расширение доступа ещё не означает равных возможностей учиться, работать и получать доход: эти

результаты во многом определяются национальными институтами и образовательной политикой.

С позиции технологического оптимизма распространение мобильной связи, конкуренция и снижение цен постепенно сокращают первичный разрыв. По оценке МСЭ, гендерный и городско-сельский разрывы сокращаются, а медианная цена мобильного трафика снижается [8, 9]. Вместе с тем данные того же источника свидетельствуют, что разрыв по доходу остаётся максимальным (71 п. п.), цена доступа неподъёмна примерно в 60% стран с низким и средним доходом, а различия смещаются в сферу качества. Пятое поколение связи охватывает 84% населения стран с высоким доходом и 4% населения стран с низким доходом [9]. Это согласуется с выводом, что после расширения физического доступа неравенство сохраняется на уровне использования и результатов [24, 13]. Одновременно критика технологического детерминизма предостерегает от того, чтобы считать подключение самоцелью [15]. В этих условиях ООН может согласовывать принципы, отслеживать прогресс и помогать мобилизовать финансирование там, где рыночные стимулы слабы (например, для удалённых школ), и распространении проверенных моделей, таких как подход Giga к финансированию и закупкам [4].

В анализируемых инструментах обнаруживаются три основных ограничения. Прежде всего, большинство из них носит «мягкий» характер. Глобальный цифровой договор, Дорожная карта и Рекомендация ЮНЕСКО задают ориентиры, но не обязывают государства, а реализация программ вроде Giga опирается на добровольное сотрудничество правительств, партнёров и частного сектора [19, 22, 4]. Другая проблема связана с измерением результатов. Рассмотренные показатели в основном характеризуют охват и доступ; результаты использования технологий (занятость, доход, образовательные результаты) в открытых материалах представлены слабо, а сами оценки МСЭ пересматриваются, что видно на примере изменения оценки числа людей офлайн в 2024 г. с 2,6 до 2,3 млрд [9]. Наконец, значение имеют факторы, определяющие, как доступ превращается в конкретные возможности. В терминах подхода на основе возможностей [16, 10] один и тот же доступ даёт разные результаты в зависимости от языка контента, образования, пола и места проживания7 Глобальный цифровой договор признаёт это, упоминая доступность на разных языках и в разных форматах [20], но механизмы такой конверсии определяются национальной образовательной и социальной политикой.

Указанные ограничения позволяют предложить модель из трёх взаимосвязанных компонентов (таблица 4). Подключение без навыков даёт лишь формальный доступ; навыки без доступа не могут быть применены; при отсутствии институциональных гарантий выгоды распределяются неравномерно и воспроизводят исходные различия [12]. Инклюзивный человеческий капитал формируется, когда все три компонента реализуются одновременно.

Таблица 4. Многомерная модель преодоления цифрового неравенства

Компонент	**Цель**	**Примеры индикаторов**	**Ключевые акторы**
Инфраструктура и доступность	Устранение разрыва первого уровня	Покрытие сетей, цена тарифов, качество связи, подключение школ	Правительства, регуляторы, операторы, МСЭ, Giga
Цифровые компетенции	Устранение разрыва второго уровня	Доля населения с базовыми и продвинутыми навыками, подготовка педагогов, доступ к открытым образовательным ресурсам	Министерства образования, ЮНЕСКО, образовательные организации
Институциональные гарантии равного участия	Устранение разрыва третьего уровня	Занятость и доход по группам, образовательные результаты, учёт пола, возраста, места проживания и языка	Правительства, система ООН, частный сектор, гражданское общество

Составлено авторами по результатам анализа; индикаторы приведены как примеры.

Эта модель меняет акцент в оценке цифровой политики. Наряду с долей подключённых необходимо выяснять, какие группы действительно используют технологии для получения знаний, повышения квалификации и заработка.

Для формирования инклюзивного человеческого капитала недостаточно обеспечить физический доступ к цифровым технологиям. Не менее существенны навыки пользователей и возможности применять их в образовании и занятости. Проведённое сопоставление показывает, что инструменты системы ООН наиболее полно охватывают доступ, тогда как два других уровня представлены заметно слабее.

По данным МСЭ за 2025 г., 2,2 млрд человек остаются офлайн, разрыв между странами с высоким и низким доходом составляет 71 п. п., а различия в качестве связи, ценовой доступности и продвинутых навыках сохраняются [8, 9]. Нормативная рамка ООН (Повестка-2030, Дорожная карта, Глобальный цифровой договор) формулирует цели универсального и осмысленного подключения, а практические механизмы (Giga, политика ЮНЕСКО в области открытых образовательных ресурсов, стратегия ПРООН) работают преимущественно с инфраструктурой и образовательной средой [17, 18, 19, 4, 22, 21]. Результаты использования технологий в рассмотренных материалах измеряются слабо, а эффективность инициатив зависит от национальной политики. Исследовательский вопрос получает следующий ответ: инструменты ООН адресуют доступ в полной мере, навыки частично, результаты использования технологий в наименьшей степени.

На основании проведённого анализа предлагаются следующие рекомендации:

1. Системе ООН дополнить показатели охвата показателями результатов (навыки, занятость, образовательные результаты) с разбивкой по доходу, полу, возрасту, месту проживания и языку и объединить в совместной отчётности подключение школ, подготовку педагогов и доступ к открытым образовательным ресурсам.
2. Государствам встроить обязательства Глобального цифрового договора в национальные стратегии образования, инфраструктуры и социальной защиты, адресно решать проблему ценовой доступности и отслеживать результаты по уязвимым группам.
3. Международным и национальным исследователям использовать многомерную модель (таблица 4) как основу для оценки политики цифровой инклюзии.

Выводы ограничены характером эмпирической базы. Открытые документы и агрегированные модельные оценки не позволяют непосредственно установить

причинно-следственные эффекты программ. Перспективными направлениями дальнейшей работы являются оценка влияния подключения школ на образовательные результаты на основе микроданных, национальные кейсы (включая Казахстан и страны Центральной Азии) и анализ итогов обзора Глобального цифрового договора на 82-й сессии Генеральной Ассамблеи.

Список использованных источников

1. *Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993.*
2. *Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. J. G. Richardson. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.*
3. *DiMaggio P., Hargittai E. From the "Digital Divide" to "Digital Inequality": Studying Internet Use as Penetration Increases. Princeton University, Center for Arts and Cultural Policy Studies, 2001.*
4. *Giga. Giga: Connect every school [Электронный ресурс]. UNICEF–ITU. URL: https://giga.global/ (дата обращения: 22.10.2026).*
5. *Golovina T. A., Khorolskaya T. E., Musostov Z. R. Policy of Digital Inclusion in the Development of Human Capital // Natural and Humanitarian Studies. 2022. No. 43 (5). P. 77–84.*
6. *Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills // First Monday. 2002. Vol. 7, No. 4.*
7. *International Telecommunication Union (ITU). Measuring Digital Development: Facts and Figures 2024. Geneva: ITU, 2024.*
8. *International Telecommunication Union (ITU). Measuring Digital Development: Facts and Figures 2025. Geneva: ITU, 2025. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2025/ (дата обращения: 22.10.2026).*
9. *International Telecommunication Union (ITU). Global number of Internet users increases, but disparities deepen key digital divides: press release. Geneva, 17 November 2025. URL: https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2025-11-17-Facts-and-Figures.aspx (дата обращения: 22.10.2026).*
10. *Kleine D. Technologies of Choice? ICTs, Development, and the Capabilities Approach. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.*

11. OECD. OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1): Embracing the Technology Frontier. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI: 10.1787/a1689dc5-en.

12. Ragnedda M. The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. London; New York: Routledge, 2017.

13. Scheerder A., van Deursen A., van Dijk J. Determinants of Internet skills, uses and outcomes. A systematic review of the second- and third-level digital divide // Telematics and Informatics. 2017. Vol. 34, No. 8. P. 1607–1624.

14. Schultz T. W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51, No. 1. P. 1–17.

15. Selwyn N. Reconsidering political and popular understandings of the digital divide // New Media & Society. 2004. Vol. 6, No. 3. P. 341–362.

16. Sen A. Development as Freedom. Oxford: Oxford University Press, 1999.

17. United Nations. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development: Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, A/RES/70/1. New York: United Nations, 2015.

18. United Nations. Road Map for Digital Cooperation: Implementation of the Recommendations of the High-level Panel on Digital Cooperation: Report of the Secretary-General, A/74/821. New York: United Nations, 2020.

19. United Nations. Pact for the Future: General Assembly resolution A/RES/79/1, Annex I: Global Digital Compact. New York: United Nations, 2024.

20. United Nations. Global Digital Compact [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/global-digital-compact/en (дата обращения: 22.10.2026).

21. United Nations Development Programme (UNDP). Digital Strategy 2022–2025. New York: UNDP, 2022. URL: https://www.undp.org/digital/digital-strategy (дата обращения: 22.10.2026).

22. UNESCO. Recommendation on Open Educational Resources (OER). Paris: UNESCO, 2019.

23. UNESCO. Startling digital divides in distance learning emerge. Paris: UNESCO, 2020 (копия сообщения на сайте INEE: https://inee.org/news/startling-digital-divides-distance-learning-emerge; дата обращения: 22.10.2026).

24. van Deursen A. J. A. M., van Dijk J. A. G. M. The digital divide shifts to differences in usage // New Media & Society. 2014. Vol. 16, No. 3. P. 507–526.

25. van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge: Polity Press, 2020.

26. Warschauer M. Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.

Авторлар туралы мәлімет

Әліпұлы Е. PhD докторы, Қазақстан Республикасы Төтенше жағдайлар министрлігінің Сейсмологиялық бақылаулар мен зерттеулер ұлттық ғылыми орталығы директорының бірінші орынбасары, Жер сілкіністерін зерттеу орталығының басшысы.
Медеубаев С.Т. PhD докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Сорбонна–Қазақстан институтының халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі, Қазақстан Республикасы Төтенше жағдайлар министрлігінің Сейсмологиялық бақылаулар мен зерттеулер ұлттық ғылыми орталығының комплаенс-офицері.
Хусаинов О.Б. заң ғылымдарының кандидаты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Сорбонна–Қазақстан институтының халықаралық құқық кафедрасының доценті.
Абдирова Г.А. заң ғылымдарының кандидаты, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің халықаралық құқық кафедрасының доценті.
Набережнев С.С. заң ғылымдарының магистрі, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Сорбонна–Қазақстан институтының халықаралық құқық кафедрасының оқытушысы, Алматы, Қазақстан Республикасы.
Шонай А.А. заң ғылымдарының магистрі, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Сорбонна–Қазақстан институтының халықаралық құқық кафедрасының оқытушысы, Алматы, Қазақстан Республикасы.
Нурғалым К.С. саяси ғылымдардың кандидаты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Сорбонна–Қазақстан институтының халықаралық құқық кафедрасының доценті.
Әбдіғали А. Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Сорбонна–Қазақстан институтының «Халықаралық құқық» мамандығы бойынша 1-курс магистранты.
Сылкина С.М. заң ғылымдарының кандидаты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Сорбонна–Қазақстан институтының аға оқытушысы.
Данияр Д.Б. Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Сорбонна–Қазақстан институтының 2-курс магистранты.
Құрманғали А.Қ. саяси ғылымдарының докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Сорбонна–Қазақстан институтының халықаралық қатынастар кафедрасының доценті.

Сведения об авторах

Әліпұлы Е. доктор PhD, первый заместитель директора, руководитель Центра исследований землетрясений Национального научного центра сейсмологических наблюдений и исследований МЧС Республики Казахстан.
Медеубаев С.Т. доктор PhD, заведующий кафедрой международного права Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая, комплаенс-офицер Национального научного центра сейсмологических наблюдений и исследований МЧС Республики Казахстан.
Хусаинов О.Б. кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая.
Абдирова Г.А. кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана.
Набережнев С.С. магистр юридических наук, преподаватель кафедры международного права Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая, Алматы, Республика Казахстан.
Шонай А.А. магистр юридических наук, преподаватель кафедры международного права Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая, Алматы, Республика Казахстан.
Нурғалым К.С. кандидат политических наук, доцент кафедры международного права Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая.
Әбдіғали А. магистрант 1 курса специальности «Международное право» Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая.
Сылкина С.М. кандидат юридических наук, старший преподаватель Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая.
Данияр Д.Б. магистрант 2 курса Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая.
Курмангали А.К. доктор политических наук, доцент кафедры международных отношений Института Сорбонна–Казахстан КазНПУ имени Абая.

About Authors

Alipuly E. PhD, First Deputy Director and Head of the Earthquake Research Center, National Scientific Center for Seismological Observations and Research, Ministry of Emergency Situations of the Republic of Kazakhstan.
Medeubayev S.T. PhD, Head of the Department of International Law, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University; Compliance Officer at the National Scientific Center for Seismological Observations and Research, Ministry of Emergency Situations of the Republic of Kazakhstan.
Khussainov O.B. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of International Law, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University.
Abdirova G.A. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of International Law, Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages.
Naberezhnyev S.S. Master of Laws, Lecturer, Department of International Law, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan.
Shonay A.A. Master of Laws, Lecturer, Department of International Law, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan.
Nurgalym K.S. Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Law, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University.
Abdigali A. First-year Master's student in International Law, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University.
Sylkina S.M. Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University.
Daniyar D.B. Second-year Master's student, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University.
Kurmangali A.K. Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Sorbonne–Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University.